

Дом родной

Автор:

Евгений Щепетнов

Дом родной

Евгений Владимирович Щепетнов

Колдун #2

Продолжаются приключения Василия Каганова, участкового уполномоченного и... черного колдуна. Живет он в глухой деревне Тверской губернии, в старом доме, построенном несколько сотен лет назад. И с ним вместе живут три существа, о которых обычные люди читали только в сказках. А еще – вокруг леса и озера, в которых живут... те, которых не бывает. А участковый наводит порядок – и среди людей, и среди нечисти. И как у него это получится, что с ним будет, что будет с теми, кто живет вокруг него – знает только бог. Какой из них, из богов? Да кто ж их знает? Богов много, а Василий один.

Евгений Щепетнов

Дом родной

Глава 1

Я сбросил в яму бутылки с водой, спустил ржавое ведро – одно из тех, что висели на стене над «зинданом». Бросил в яму и пакет с едой – хлеб, кусок вареного мяса из борща, пару яиц вкрутую. Я может и палач, но не садист. Негодьям предстоит получить свое наказание, но раз они находятся у меня в заключении – придется их кормить. Недолго осталось – сегодня уже двадцать девятое мая,

тридцать первого в ночь я отправлю их общаться с русалками.

И тут меня вдруг прошибло – да почему тридцать первого?! Почему я втемяшил себе в голову, что отправлять к русалкам этих двух гадов нужно именно тридцать первого?!

А вот почему: я даты перепутал. Почему-то решил, что Вальпургиева ночь с тридцать первого мая на первое июня! А она – с тридцатого апреля на первое мая! Я же помню, как противники большевиков всегда злопыхали, что первое мая, день солидарности трудящихся приходится на ту дату, когда ведьмы слетаются для шабашей, когда всяческая нечисть вылезает из щелей, просыпаясь после холодной зимы, когда творится черное колдовство и неподготовленному человеку не стоит идти ночью туда, куда... ему идти не надо. Например – на Лысую гору.

А сейчас-то уже конец мая! Русалки давно проснулись, и вода прогрелась почти что до летней температуры! Они уже вышли на охоту, и скоро зазевавшийся рыбак или купальщик может оказаться в их ласковых, смертельных объятьях. Так что нельзя мне ждать. Но и торопиться особо не буду – завтра ночью поеду на пруд. Пусть пока эти моральные уроды посидят в яме. Только вот расколдую – и пусть сидят. Пока они находятся под заклятием подчинения – ничего не могут делать по собственной инициативе – только лишь выполнять мои приказы – как роботы самого что ни на есть первого поколения, с их неуклюжими движениями, заторможенностью и странной дерганой походкой. Ну так по крайней мере изображают роботов в старых фантастических фильмах.

Завтра. Завтра два насильника и убийцы получают свою заслуженную кару.

– Мусор поганый! Ну-ка быстро выпустил! Я на тебя в прокуратуру напишу! Кровавыми слезами умоешься!

Я посмотрел на здоровенного, похоже на борова парня, который смотрел на меня со дна ямы, поддел носком тапка кусочки коры, отлетевшей с поленьев, валяющихся рядом, и задумчиво от правил мусор вниз. «Боров» завопил, заматерился, а я спокойно, подчеркнуто без эмоций его спросил:

– Ты мусора просил? Еще добавить?

– Что ты хочешь с нами сделать? – сейчас в голосе негодяя послышались нотки страха – ты не имеешь права!

– Я вас отпущу. Завтра. Отвезу к девушкам и отпущу – пообещал я с легким сердцем – А пока что посидите здесь. Еще мусора подкинуть? Нет? Тогда задткнись и сиди спокойно – а то сейчас пару ведер воды вылью, и будешь в луже сидеть.

– Да пошел ты...! Внатури ответишь! О...ли менты совсем, берега потеряли! Ничего, я тебе берега-то найду!

Слушать дальше не стал. Неинтересно. Даже ругается – и то как-то тупо. Накрыл яму крышкой, задвинул засов.

– Хозяин, может мне спуститься, помучить их? – предложил один из моих персональных бесов, Прошка – Ну так... слегка! Только кишки чуток выверну, и все! Живы будут, обещаю!

– Нет – с некоторым сожалением отказал я – Пусть так посидят. Второй вон еле шевелится, куда его еще-то мучить?

– Нам пришлось с него чуток жизни тебе подкачать – вмешался Минька, второй бес – ты крови много потерял, мог вообще упасть в обморок. Как же ты так-то, допустил такое? А если бы он тебе по башке заехал?

– Сам не знаю – сознался я – Темно было. Он видать спал с топором в руке. А я не особо и скрывался – вошел, да и все. Кто же знал что он такой отмороженный? Вот и получилось.

– Хозяин, тебе надо защитный амулет сделать – укоризненно помотал головой Прошка – Чтобы защищал тебя от стрелы, от меча, от... хмм... извини, забыл. От пули, от топора, от ножа. Ну и от удара чем-нибудь еще. Только это... мандрагора нужна! Корень мандрагоры! А у старого хозяина весь вышел, кончился. Он так-то редкий, его просто найти.

– Ну так принесите! – пожал плечами я – за чем дело-то стало?

- Неет... - Прощка даже хохотнул - мы к нему не можем прикасаться! Пока он живой - не можем. Ты должен его сам выкопать, потом уморить, а уж потом...

- Да где же я его выкопаю?! Я его только на картинке видел, да читал про него, и все! - растерялся я - И как тогда быть?

- Мы знаем, где его выкопать! - довольно кивнул Прощка - Тебе нужно только подъехать к этому месту, сказать наговор, корень объявится, ты его выкопаешь и...

- Стоп! - скомандовал я - Во-первых, насколько я знаю - мандрагора здесь не растет. Она где-то у Средиземного моря растет, и где-то еще на Востоке. Мне что, туда ехать?! Исключено! И какие, к черту, заговоры?!

- Хозяин, твое магическое образование не то что оставляет желать лучшего - ты абсолютный профан в магии! И конкретно - в магических снадобьях! Это НЕ ТА мандрагора. Они только похожи. ЭТА мандрагора, нужная для нашего снадобья - растет где угодно, лишь бы там был повешенный - сам повесился, или его повесили - безразлично. Главное, чтобы висел. Ты ведь скорее всего не знаешь, что когда человека вешают, он испускает из себя все возможные жидкости - мочу, и самое главное - семя. И вот лучший корень мандрагоры вырастает там, где упало семя повешенного. Такие корни самые сильные, крепкие, магическая сила их очень велика. Мой бывший хозяин собирал сведения о повешенных по всей округе, даже в Тверь ездил, узнавал, где и кого повесили, или сам повесился. Потом отмечал эти места у себя на карте - карта должна быть в книгах, в лаборатории. Кстати, ты бы почитал книги - там есть и записи бывшего хозяина. Он вел записи по экспериментам! Много бы нового для себя узнал. А то мы с тобой разговариваем, как с ребенком - ничего-то не знаешь!

- Не знаю - спрошу! А ты мне ответишь! - слегка рассердился я - А не сможешь ответить, пойду и почитаю! Ты что, не видишь - что у меня, куча времени?! Я не успеваю, мечусь, как белка в колесе! А ты мне еще и выговариваешь! Да я и колдуном-то стал неделю как!

- Прости, хозяин - в голосе Прощки и в самом деле появились нотки вины - Не подумал. Но учиться все равно надо. Самому пригодится! Мало ли... вдруг на мысли какие наведет. Ведь чтобы получить правильный ответ - надо еще и правильно спросить. А ты ведь знаешь, что в правильном вопросе содержится

семьдесят процентов ответа. Но да ладно, расскажу все, что узнал от прежнего хозяина. Тебе понадобятся затычки для ушей – иначе просто умрешь.

Мандрагора кричит, когда ее выдергивают из земли, и тот, кто услышит этот крик – быстро умирает, в течении нескольких часов. Потом тебе надо будет убить корень. Как? Он очень не любит спирта. Бросишь в спирт – за полчаса умрет, и тогда можно будет его использовать. Нельзя, чтобы кровь мандрагоры попала на кожу – она очень ядовита. Если в ней намочить нож, или иголку – можно будет убить этим ядом человек двадцать, не меньше, пока яд не сотрется с клинка. Умирают от яда мандрагоры быстро – и сразу теряют сознание, так что учти это, когда будешь дергать корень. Мы с Минькой можем и не успеть тебя воскресить! И кроме того – чтобы тебя воскресить – придется кого-нибудь убить. А мне кажется – тебе это не понравится.

Тут ведь как все происходит: ты читаешь заговор, якобы призывает мандрагору сам Чернобог. Заговор накачиваешь Силой – иначе не сработает. Корень лезет из земли, и ты его цап-царап! Попался!

– Ты чего говоришь?! – бухнул голос Охрима – Хозяин, послушай, что тебе старый домовый скажет! Я книжки-то все перечитал, знаю, как и что! Когда корень-то покажется, ты не хватай его, не бери, ты вначале обкопай его вокруг, да так, чтобы корешки его мелкие не задеть, иначе он снова в землю уйдет. Когда обкопал, подрыл, тогда только с него землю-то и стрясай, да полегоньку, потихоньку. И уши-то заткни, точно. Заорет, заплачет – тут тебе и конец. Хозяин так даже смолой уши заливал, чтобы не слышать! Вот так вот!

Охрим исчез в стене, откуда и появился, а я удрученно вздохнул – непроста ты, жизнь колдунская! Я-то думал помощники мне все принесут! Все нужные ингредиенты! А тут вон оно как... Значит, нужны резиновые перчатки, нужен чистый пакет... что еще нужно? Кстати, я еще вот о чем забыл – мне в район надо! В магазин! Русалок-то чем ублажать? Подарки нужны! Без подарков – никак!

– Эй, есть кто-нибудь? – женский голос с улицы заставил меня вздрогнуть, и я поспешил наружу из темного хлева. Скорее отсюда – еще услышат, как в яме проклятый «боров» ревет и требует его выпустить! Через тяжелую крышку не очень-то хорошо слышно, но слышно – если подойдешь ближе. Так что валить отсюда поскорее!

– Кто там? – раздраженно крикнул я, раздосадованный тем, что меня едва не поймали «на горяченьком». Нужно впредь быть поосторожнее!

– Василий? – голос женщины был мне знаком, а через пару секунд пришло узнавание: ведьма. Приехала, чтобы разузнать о результатах встречи с мамашей и дочкой? Ну что же... поговорим.

– Приветствую, Нина Петровна! – встретил я черную ведьму возле калитки. Впрочем – черной она была только по роду своей деятельности, а сейчас – в светлых джинсах, светлой же блузке, в легких туфлях – преуспевающая бизнес-леди, а не бабка-ведьма! И машина у нее не хухры-мухры, «лендкрузер-200». Сама за рулем.

– Прекрасно выглядите, Нина Петровна! – ухмыльнулся я, оглядывая женщину с ног до головы и определяя, что на вид ей больше пятидесяти и не дашь. А ведь ей сотен пять лет, не меньше! А может и больше.

– Спасибо, Василий! – женщина в свою очередь оглядела меня снизу доверху, и похоже, что мой внешний вид ей не понравился – Мог бы уж и получше одеваться, денег-то заработал!

– Намекаете на клиентку с дочкой? – усмехнулся я – так я с них денег не взял.

– Как не взял?! – лицо Нины Петровны вытянулось – Я же все сделала, договорилась! Неужели не сумел снять заклятие? Такие деньги профукал! Вот же...

И вдруг взгляд ведьмы упал на мое плечо – я ведь стоял голым по пояс, и моя татуировка резко выделялась на тронутой загаром коже. Глаза ведьмы вытаращились, потом она недоверчиво помотала головой и со вздохом сказала:

– Ты хоть знаешь, что это за знак? Какого лешего делаешь татушки, не понимая их сути? Проблем хочешь огрести?

Я едва не расхохотался – она решила, что это я сам сделал себе такую татуировку. Ну вот так... увидел в тату-салоне, и сделал. Не буду говорить о Чернобоге. Незачем ей знать, что это он меня пометил. Обойдется!

- Связалась с тобой, бестолочью! Такую клиентку подогнала! Да ее можно было годами доить! Банкирша! У нее денег – как у дурака фантиков! А ты ее упустил?! Тьфу на тебя! Тьфу!

- Если денег у нее много, так чего цену-то такую маленькую назначили? – ухмыльнулся я – можно было и побольше слупить.

Ведьма посмотрела мне в глаза, и вдруг взгляд ее метнулся в сторону, и она сразу перевела разговор с денег на другое:

- Ну чего отказал-то? Неужели на самом деле так было сложно снять заклятие?

- Сложно? – я задумался – Смертное проклятие? Вы вообще видели, что это за проклятие?

- Нуу... проклятие, как проклятие – бросила женщина, пожав плечами – Сильное, да. Говоришь, смертное? А я думала навел кто-то... смертное, вон оно что...

- А разве вы не видите? – с интересом осведомился я, оглядываясь по сторонам. Домой зайти, что ли... чего мы на улице-то болтаем? Вдруг кто-то услышит, потом греха не оберешься. Впрочем – нет, лучше наверное в пикет зайти.

- Не всегда – неохотно созналась ведьма, сделав небольшую паузу – Совсем не всегда. У всех свои способности! Я вот лучше насылаю проклятия, чем снимаю. И вижу хуже. А Нюрка – та снимает заклятия и хорошо видит. Как я погляжу, ты неплохо видишь магическим зрением, это замечательно. Так почему все-таки отказался?

- Сколько с нее взяли? – перебил я ведьму, посмотрев ей в глаза – Двадцать тысяч? Пятьдесят? Ну чтобы отправить ко мне?

- Она сказала? – недовольно фыркнула ведьма – Вот же сука! Я же ей говорила, чтобы тебе ни слова! Тварь банкирская! Гнида! Наслать бы на нее порчу, чтобы длинный язык укоротить!

- Так сколько? – невозмутимо продолжал я давить.

– Двадцать тысяч. Баксов, конечно! – нехотя созналась женщина – Только я напомним, что у нас договоренность, что ты отдаешь двадцать пять процентов с тех денег, что Ты получаешь с клиента. А речи о том, что я буду делиться теми деньгами что сама с него взяла, у нас не было. То есть я наш договор не нарушала!

– А совесть есть? – невольно снова ухмыльнулся я.

– Совесть?! Что это такое? – тоже ухмыльнулась ведьма – Я всегда соблюдаю договор, никогда его не нарушаю! И не потому, что так уважаю того, с кем договаривалась – просто себе дороже нарушать договора. Выгоднее, когда все знают о том, что ты держишь слово. Да и безопаснее, если уж на то пошло. Советую и тебе всегда соблюдать договоры...

Она посмотрела на меня со значением, и я поспешил ее уверить, продолжая ехидно улыбаться:

– А я и соблюдаю. Клянусь, не взял ни копейки у этой бабы! И пусть меня русалки до смерти затрахают, если я соврал хоть полслова!

– Русалки? Чего это ты про русалок? – насторожилась ведьма – Не лезь к ним, не вздумай! Они такую подлянку могут устроить – ты всю жизнь потом жалеть будешь! Эти бледные мрази, караси поганые – еще те сучки!

– Чего это вы на них так вызверились? – удивился я.

– Есть причины – туманно пояснила ведьма, явно не желая рассказывать о своих взаимоотношениях с водяной нечистью, ну а я не стал настаивать на ответе. Я тоже ведь не все рассказываю, какое мое дело – чего там у них случилось? Может женила увели. Или клиента. Мне по барабану.

– Жаль, очень жаль... – снова грустно протянула ведьма, глядя в пространство над моей головой – такая клиентка, просто цимес! Ладно, поехала я... к тебе еще присылать клиентов? Или погодить? Мда... зря я похоже на тебя понадеялась – слабоват. А оказалось, что сильный колдун!

– Стоп! – я помотал пальцем – Давайте-ка расставим все по своим местам. И наш договор приведем к некому... хмм... знаменателю. Так сказать – к консенсусу. Вы начали наше сотрудничество с обмана: скрыли от меня факт получения вами денег за то, что перенаправляете ко мне клиента. Формально – вы не нарушили договор. А по совести? Нет, помолчите, теперь я буду говорить. Итак, я считаю, что половина денег, которые вы получили с клиента за то, что отправили его ко мне – это мое. Молчите, говорю! Я сейчас говорю! Иначе сейчас вообще пошлю к чертовой матери – без вас обойдусь! Вот так. Значит, вот какое дело, уважаемая Нина Петровна – я снял заклятие и денег вперед не взял. Но я договорился с клиенткой, что деньги она отдаст после того, как мое лечение подействует. То есть – когда девчонка станет прежней... вернее – когда внешность ее станет прежней, деньги будут у меня. И не та жалкая сумма, которую вы зарядили за снятие заклятия, а триста тысяч долларов. Понятно?

– Сколько?! – женщина явно опешила, и секунд пять ничего не говорила, только смотрела на меня круглыми, как плошки глазами. Наконец, выдавила из себя хриплым голосом – Триста тысяч?! Зеленых?! О Чернобог... О все боги и богини! Ты знатный барыга, паренек! Это сколько же мне причитается?! Семьдесят пять тысяч?! Да ни хрена себе! За раз?! Мда... вы, колдуны, всегда умели работать. Нам, ведьмам, до вас далеко. Мы все по зернышку клюем, а вы... Стоп! Парень, деньги-то ПОТОМ?! Все. Хана. Какой дурак ПОТОМ деньги требует? Да еще и ТАКИЕ?! Считай – нет у тебя никаких денег. Банкиры – это самое жадное, сволочное племя, что есть в этом мире! И ты ей поверил?!

– У меня есть ее кровь. И кровь ее дочери.

– Кровь?! О черт! – женщина аж задохнулась, и недоверчиво помотала головой – Парень, да ты не так прост, как я думала... совсем не прост! С тобой надо быть настороже... А не боишься...?

– Боюсь – пожал я плечами – Но надеюсь у нее хватит ума не предпринимать ничего такого... глупого. Ну а если кинет – ей это дорого обойдется. Очень дорого.

– С огнем играешь, парень! – ведьма посмотрела на меня, и я почувствовал в ее голосе... восхищение? Веселье? Восторг? Может быть. Ведьма-то черная, ей чем ни хуже, тем лучше. Хорошая пакость людям – это разве не весело?

– Итак, половину с тех денег, что вы получили предварительно, и десять процентов с тех денег, что получу я. И продолжаем наше сотрудничество! – заключил я.

– Ну ты и выжига! – сердито рявкнула ведьма – Охренел, что ли?! Десять – вместо двадцати пяти?!

– Так я и сумму поднял... во сколько раз? В восемнадцать. Вы бы получили всего двести пятьдесят тысяч. Кстати, чего так мало назначили? А! Понял. Вы решили основную сумму взять себе. А мне так... крошки бросить. Понятно. Может вообще вам до пяти снизить? Может вам хватит? Ладно, ладно, не кидайтесь на меня с кулаками! Шучу! Десять. Это справедливо – нормальные комиссионные. Только сразу скажу: если она приведет ко мне других клиентов – с них не получите ничего. С нее лично – каждое обращение – вам десять процентов. Но чтобы вы на мне паразитировали всю жизнь – такого не будет. И я имею право отказаться от приема. Кстати, в этот раз едва не отказал. Сказать, почему?

– Догадываюсь – мрачно буркнула ведьма – Только я тебе вот что скажу, парень: ты что думаешь, все клиенты такие душки, что хочется с ними общаться и что-то им делать? Знаешь, что я поняла за свою долгую, слишком долгую жизнь: большие деньги любят подлецов. Хорошие люди в своей массе – настоящих, больших денег не имеют. Они могут заработать какой-то капитал, жить безбедно, но чтобы настоящий капитал, чтобы яхты по двести метров длиной – это надо быть настоящим подлецом. Так что же теперь, отказываться от их денег? Жить в нищете, как твоя баба Нюра?

– Во-первых, это не моя баба Нюра, она сама по себе. Во-вторых, она живет как хочет. Ей хватает того, что у нее есть. И возможно, что она счастливее вас, потому что человек обеспечен не тогда, когда может себе позволить купить больше, чем кто-то другой, а тогда, когда ему хватает того, что у него есть.

– Ух ты! – ведьма ехидно улыбнулась – У нас тут хвилософ завелся! Хома Брут! Ты поучи, поучи бабушку, как дедушек ублажать! Хе хе хе...

– Я бы поучил – я оцениваю ее смерил женщину взглядом – Но слишком уж большая разница в возрасте. Хотя вы еще ого-го!

– Ах ты ж подлец! – захихикала женщина – да у меня тело поглаже, чем у твоих молоденьких шлюшек! Я-то уж знаю, как содержать себя в здоровье и целости! И знаю, как мужиков ублажать! Твоим молодым шлюхам еще учиться и учиться, и то – десятой части не узнают того, что я уже забыла! Тьфу!

– Кстати – продолжил я сеанс разоблачения – если вы так стремитесь к деньгам, если так умеете их зарабатывать – какого черта живете в таком домишке? Неужто не хочется построить дом получше?

– А зачем? – скривла губы ведьма – Построишь хоромы, как у Самохина, так сразу и завистники набегут. Начнут деньги вымогать. Придется или их искоренять, или бежать куда подальше. Ты молодой, глупый, не понимаешь... а я на этом деле собаку съела. Была уже в бегах... опыт имеется! Больше такого не хочу. Я уж лучше так, потихоньку... а пошиковать можно и где-нибудь на курорте, где тебя не знают. Вот там – простор для фантазии! Делай, что хочешь! Покупай – что хочешь! А тут... тут на крузаке ездешь – так головы свернули, разглядывая! Ну как же – откуда у бабы крузак? И начинается... Насосала! Завистники поганые! Кстати, ты у меня в задних комнатах-то не был. С чего ты решил, что там все так же, как и в передней? Да, я принимаю гостей так, как надо, как положено деревенской знахарке: в платочке, в старомодном платье и все такое. Так это рабочая униформа! Мне ПОЛОЖЕНО так выглядеть. Кстати, с такими доходами – может тебе бросить эту ментовку к чертовой матери? Зачем она тебе? Живи на свои деньги, да и все. Одни хлопоты с этой собачьей службой!

– Не понимаете? А сами меня учите! – усмехнулся я – Это тоже униформа. У меня имеется определенный социальный статус, я защищен с этой стороны. У меня даже пистолет есть! Хе хе...

– Ты сам как пистолет. Покруче пистолета, уж на то пошло! Ты колдун! – без улыбки констатировала ведьма – Если уж я могу человека остановить одним словом, ты так вообще... Ладно, я тебя поняла. Может, это и правильно. Только тогда ты должен понимать, что если покажешь уровень жизни выше, чем у своих коллег – начнется нехорошее. Будут завидовать, будут строить козни. Учти это.

– Коллег? Вы имеете в виду ментов? Или колдунов? – не выдержал, улыбнулся я.

- И тех, и других - не приняла улыбки ведьма - Это сейчас тебе смешно, а когда в дом придут... не те, кому ты рад, вот тогда как ты запоешь?! Поубиваешь? Порчу наведешь? Другие придут. Третьи. Четвертые. А потом государство заинтересуется - а куда это людишки-то пропадают?! Да еще так интересно пропадают - как соберутся тебя навестить, так и пропали! Ну не смешно ли? Куда он их деваает?! Ладно... к делу давай. Согласна на десять процентов. Но если это клиент от меня - то все, все доходы от него лично - делим. Предварительная плата - пополам. Ту, что я взяла сама. Побочные клиенты, тех, что сам взял к работе, или тех, что привел мой клиент - черт с тобой, не претендую. Устраивает?

- Устраивает - задумался я - вы же понимаете, что отвечать все равно буду я, ежели что. Основной удар придется по мне. Так что не обижайтесь.

- Основной удар! - криво улыбнулась ведьма - А НЕ основной, по кому? Я-то тоже рискую. Мне тоже мало не покажется - если тебя достанут. Так что постарайся, чтобы ничего такого не получилось. И кстати - идея с кровью очень хороша! Одобряю. Только осторожнее, чтобы эта самая кровь не попала в чужие руки, учти это. Итак, когда будут деньги?

- Ну... как только станет видно, что девчонке получшело - пожал я плечами - через десять дней? Двадцать? Я не знаю. Даю им месяц, потом начну репрессии.

- У меня есть ее телефон - улыбнулась ведьма - Я могу позвонить банкирше и узнать, как дела у ее дочери. А еще - навести справки у кое-каких знакомых. Ты же знаешь - всегда можно навести справки через знакомых каких-либо знакомых. Теорию рукопожатий знаешь? Ну и вот.

- Было бы неплохо - признал я, думая уже совсем о другом. Солнце-то высоко! А у меня еще куча дел.

- Ну, вот и договорились! - просияла ведьма - А что касается тех денег, что я взяла за банкиршу... потом, ладно? С собой у меня все равно этих денег нет. Вот заплатит она, и я с тобой тут же расплачусь. Вычтем из общей суммы! Ты мне должен тридцать тысяч - будет двадцать. Ладно?

- Ладно - кивнул я. Не надо слишком уж нажимать, загонять в угол. Я и так ее опустил с двадцати пяти процентов до десяти. Так что - пусть себе. Что у меня,

денег нет, что ли? Честно сказать, я трачу так мало, что мне даже смешно. Я один, одежду и обувь мне предоставляет государство, за коммунальные услуги не плачу, какие у меня коммунальные услуги? За электричество правда плачу. Но опять же – сколько я его трачу? Если только телевизор жрет – сутки напролет Охрим в экран сидит вперившись, да бесы, когда жертву не мучают смотрят передачи. А больше-то электричество тратить и некуда. Да и цена за него здесь деревенская, гораздо более низкая, чем в городе.

– В общем, если что – подсылаю к тебе клиентов. Только губу-то особо не раскатывай, ты думаешь, таких денежных мешков просто-таки очередь стоит у забора? Нет, хмм... коллега... это уникальные кадры! Вот потому я и расстроилась, что ты все это дело вроде как обгадил. Но теперь... Постараюсь, постараюсь! А ты уж тут и не плошай! Видишь, что можно выдоить побольше, так давай, тяни с них! Пусть делятся мощной!

Меня аж передернуло. Я что, ради денег так поступил? Такую цену задрал? За кого она меня принимает?! Да мне деньги вообще пофиг! Мне наказать надо было этих зарвавшихся нуворишей! Чтобы поняли – нельзя так себя вести! Чтобы сбить с них спесь!

Противно. Противно!

Только что я могу сказать этой женщине? Она-то видит совсем другое! Хитрый молодой человек получил способности колдуна – случайно, сам того не желая. И вот теперь выжимает из людей бабло – да как выжимает! Просто восторг! А я ведь не для того все делал, черт подери!

Попытаться об этом сказать? Пояснить? Убедить? А смысл какой? Зачем я буду ей что-то доказывать? Кто она мне? И кто она вообще такая? Черная ведьма, которая зарабатывает тем, что выдает людям всякие снадобья, о действии которых я даже и думать не хочу. Просто не хочу, да и все тут! Иначе... иначе я пошлю ее нахрен и забуду, как дурной сон. Мне ближе вредная старуха баба Нюра, которая денег не берет и людям помогает, а эта жадная тетка просто неприятна. Так зачем же тогда я с ней связался?

– Поехала я по делам, а с тобой на днях свяжусь – закончила разговор черная ведьма – Мне в район нужно смотаться. Давай – удачи, парень!

Прошелестел стартер, басовито засопел могучий движок, и я в очередной раз подумал, что все-таки куплю себе «кукурузера», но только не такого – пафосного, блестящего, торжество бабла и пижонства, а настоящего, работагу, такого, какой есть у Самохина: 95 или 96 года выпуска ТЛС-80. Джип, в котором минимум электроники и максимум проходимости. Конечно, по проходимости он не сравнится с каким-нибудь судзуки «Джимом», или с «Нивой», особенно если им в мосты напихать всякой всячины вроде самоблоков, но все-таки «кукурузер» гораздо более проходимый чем любая из «пузотерок».

У него только одна беда... нет, две – первое, это его огромный вес. Если где-то можно провалиться и сесть на брюхо, он это сделает. И это притом, что «нива» по тому же месту будет наворачивать круги, радостно хохоча над неуклюжим увальнем.

И второе – огромный расход топлива на бензиновом движке. По трассе двадцать литров на сто километров, а если залезть куда-нибудь в грязь – то легко и до сорока дотянет. Расход топлива – как у какого-нибудь грузового «газона».

Да, можно купить кукурузер с дизелем. Расход сразу же будет в пределах 15–20 литров. Вот только купить «кукурузер» такого мохнатого года с исправным топливным оборудованием есть задача практически невыполнимая. Наша отечественная солярка, сернистая и едкая, разрушает топливное оборудование не хуже, чем если бы в нее специально подливали серную кислоту. А это оборудование стоит больше двухсот тысяч. Надо ли время от времени покупать оборудование за двести тысяч плюс его замена, чтобы сэкономить некоторую сумму денег на заправках? Бензиновый движок хоть и жрет горючку в три горла, но зато он очень мощный, тяговитый, и самое главное – надежный. «Миллионники» – вот как называют такие движки из-за того, что их пробеги легко составляют миллион километров без ремонта, и больше.

Тут самое главное взять машину с исправным двигуном, целой рамой и крепким кузовом. Все остальное делается на-раз. В Москве есть специализированные сервисы, на которых такие крузак (и не только крузак) разберут по винтику, заменят все, что нужно сменить, покрасят кузов, установят лебедку, фаркоп, кенгурятник, поставят огромные «лапти» для бездорожья, перетянут салон новой кожей и сделают все, что ты захочешь – только лишь плати бабки!

Насколько я помню, пару лет назад такая машина со всеми переделками обходилась миллиона в полтора. На выходе получался замечательный круизер,

на котором можно покататься по несильно гадкому бездорожью. И самое главное – ты и особого внимания не привлечешь (машина-то стаааренькая... где участковый возьмет денег на новый круизер?), но и круто прокатишься по городку.

Откуда я все это знаю, да в таких подробностях? Да была у меня мысль купить такой «сарай». В том военном городке, в котором я когда-то жил, будучи офицером части РЭБ, у меня была любовница, Татьяна, замужняя женщина. Вернее, так: была у меня любовь. Встречались мы с ней урывками, и больше всего на природе. И вот когда в очередной раз я пыхтел под кустиками, держа тихо постанывающую Татьяну за упругие гладкие бедра, у меня и возникла мысль – а почему бы не купить машину? Джип! Затонировать его стекла «по самое не хочу», устроить там лежанку со всеми удобствами, и нормально пользоваться Татьяну не в таких как сейчас антисанитарных условиях, а в полнее приличной, почти что домашней обстановке.

Ко мне в квартиру Татьяна ходить боялась – все в городке на виду, к себе приглашать тем более опасалась – ее муж, мой командир, точно бы тогда вычислил нашу связь в считанные дни. А вот когда она отправлялась из городка по магазинам в гражданскую часть населенного пункта – тогда-то мы с ней и сливались в горячем экстазе.

Впрочем, нас все равно вычислили и закончилось это очень плохо. Мне пришлось уволиться из армии – вот так я и оказался здесь, в глухой деревушке Кучкино, в доме давно умершего черного колдуна.

Но речь не о моей любви к Татьяне, которая испарилась как дым (отнюдь не Татьяна – любовь!), когда та заявила что я ее чуть ли не изнасиловал (Предательница чертова! А ведь предлагал замуж за меня выйти!), речь о машине. Вот тогда я и провел большую работу, конкретно разобравшись и с моделями машин, которые я бы хотел купить, и с ценами на них, и с тем, как эту машину довести до ума, чтобы она ездил, а не стояла у подъезда истекая черным маслом из своих давно подгнивших внутренних органов. И выбран мной был именно «кукурузер», как его называют продвинутые автолюбители – за надежность, неприхотливость и относительно низкую цену – как раз почти по моим доходам.

Почти – потому что этих доходов мне все равно не хватило, и на том моя идея с приобретением ТЛС-80 благополучно почил в бозе. Есть у меня немного

деньжонок – на счету в банке семьсот с чем-то тысяч за проданный мамин дом и немного накоплений, ну и все, больше ничего не имею. А надо шесть-семь сотен только на приобретение «болванки», которую потом нужно еще и «обтесать» – это еще как минимум миллион.

Впрочем – возможно, что сейчас и еще дороже. С тех пор как я этой идеей интересовался – цены катастрофически выросли вместе с ростом валюты.

Вот денег заработаю – тогда-то может и куплю. Хотя по большому счету джип мне теперь не очень-то и нужен – есть ведь служебный уазик-«хантер», который положен каждому сельскому участковому. Так-то может бы мне его и не дали, но без машины обслужить два десятка деревень, расположенных примерно в радиусе километров двадцать – невозможно просто физически. И зачем тогда бить свою машину, если есть служебная? Катайся – бензин тоже служебный, запчасти дадут (или должны дать!).

Да просто – хочется. Я же все-таки мужчина. Ну вот хочется мне брутальную, красивую машину, на которую будут оглядываться девушки и восхищенно смотреть пацаны! Хочется рыкнуть мощным движком, и затормозив возле красивой девушки эдак небрежно спросить прекрасную незнакомку: «Красавица, скажите пожалуйста, как мне проехать в консерваторию? Не покажете ли дорогу?» Хе хе хе... Мечтатель, ага!

Если у тебя есть деньги – почему бы что-то не купить? Почему бы не позволить себе красивую вещь, или большую, приятную сердцу игрушку? Вот такую например, как ТЛС-80. Мужскую, крутую игрушку.

Тут ведь какая штука... сегодня ты жив, а завтра – может, нет. Сегодняшняя ночь мне это показала с самой что ни на есть безжалостной суровостью. Топором по плечу – чик! Чуть бы в сторону – по башке, и мозги наружу, либо в грудь бы получил! С проломленной, разрубленной до позвоночника грудиной не больно-то поживешь!

Хорошо, что мои помощники, «бесы», быстренько залечили мне рану, подкачали жизненной энергии, отняв ее у одного из насильников и убийц, сидящих сейчас в моем «зиндане», а то бы все, конец участковому Василию Каганову!

Эти твари убили и ограбили старуху, торговавшую самогоном, а предварительно ее еще и изнасиловали, герантофилы хреновы. Старуха, будучи призраком, сама мне об этом рассказала. Вот я и взялся за негодяев со всей своей неизбежной пролетарской яростью. И завтра отправлю их на встречу с русалками в бывший господский пруд.

Решив, что обязательно реанимирую тему ТЛС-80, я побрел к летнему душу. Ночь была бурной, организм мой настоятельно требовал омовения, ибо я уже слегка (или не слегка?) попахивал потом, и вообще... надо себя взбодрить прохладной водой. Так что через пять минут я уже отфыркивался под холодными струями воды, лившейся на меня с потолка.

Вода уже не была такой ледяной, как тогда, когда я ее наливал в бак, но и назвать водичку теплой было бы большущим преувеличением. Но тем приятнее было в ней плескаться – бодрость в членах позникала, просто-таки неопишная!

Зашел в дом, растерся полотенцем, бросил грязное белье в корзину. Кстати, надо бы стирку устроить. Так-то еще не очень много грязного белья накопил, но... уже хватает. А стиральной машины у меня нет! В корыте придется стирать, по старинке-с...

Эта мысль меня немало расстроила – по-моему, перспектива стирать вручную расстроит кого угодно, даже самую привычную к тяжелой сельской работе крестьянку. И определенно – двадцатисемилетнего парня, готового даже лишь бы только ничего не стирать – сжигать грязное белье каждый божий понедельник.

Ненавижу это занятие! Ненавижу стирать! В райцентре, где я снимал квартиру, у хозяйки была автоматическая «стиралка», сунул туда барахло, сыпанул порошка – на выходе получаешь почти что сухое, пахнущее чистотой белье. Хорошо? Да не то слово! А тут...

Мда, в деревенской жизни имеются свои, преогромнейшие, таки-гигантские минусы. И кстати – вот что мне нужно будет сделать в первую очередь – когда я получу причитающиеся мне деньги. Не машины закупать, не дорогие телефоны и черную икру – дом свой как следует обеспечить всем необходимым для комфортного проживания.

Впрочем, до этого нужно его приватизировать, а уж потом... А то вот так вобьешь в него огромные бабки, а меня либо уволят по какой-нибудь причине, либо я сам захочу отсюда свалить куда-нибудь подальше, в пампасы. В жизни-то ведь всякое случается.

Но я хочу здесь жить. Мне здесь нравится! И дом этот, которому то ли триста, то ли пятьсот лет – нравится. И домовый Охрим, с его бухающим, как из бочки голосом – нравится! Кстати... а это мысль!

– Охрим! Хватит смотреть эту чушь! Да что ты там понимаешь-то?

– Все понимаю, хозяин! Как тут не понять?! Это же все жизненное! – человек, больше похожий на гнома и едва достающий мне до колена появился из воздуха мгновенно и без всяких там спецэффектов. Вот только что его не было – и уже сидит на стуле, заложив ногу за ногу в своих крестьянских дурацких штанах, шибко обтрепанных по низу штанин. По виду он эдакий карикатурный мужичок из сериала о дореволюционном времени – борода, широкие плечи, лапоточки – ну вылитый крестьянин, да и только! Вот одна только незадача – скорее всего эти самые мужики очень даже отличались от карикатурного облика Охрима. А облик этот скорее всего был тем образом, который мой родной и любимый мозг создал вместо того, настоящего облика, который и присущ был этой самой домашней нечисти.

Как это происходит – я в точности не знаю, могу только догадываться. Но только я уже определенно понял, что и облик домового, и облик моих двух «помощников», в просторечии именуемых «бесами», а на самом деле обитателей Нави – суть отголоски того образа, в котором я (или вернее мой мозг) хочу увидеть этих самых «легендарных» существ. На самом деле помощники выглядят как два облачка темного дыма, что по большому счету тоже никакой не настоящий их вид. Просто мозг человек, даже измененный Силой, НЕ МОЖЕТ осознать и придать настоящую форму чистому разуму, энергетическому облачку, именуемому Прошка или Минька. Как и энергетическому облачку с именем Охрим, которое на самом деле является душой, или может быть энергетическим аватаром дома, в котором я живу. Я даже не могу понять – что это за образования, какой энергии, и как они так не рассеиваются в пространстве.

Сложно? Головоломно? А то ж! У меня уже голова пухнет от этой всей чертовщины! Всего неделю назад я был обычным парнем, участковым уполномоченным, который отправляется в глухую деревню чтобы погрязнуть

здесь в неисполненных бумагах вроде жалоб и поручений бесчисленного множества следаков и оперативников со всех концов необъятной родины. И вот угораздило же меня выкопать фигурку, которую покойный колдун наполнил магической Силой, привязав к статуэтке еще и двух довольно-таки ехидных и своенравных сущелов, вызванных им когда-то из таинственного пространства под народным наванием Навь, загробного мира, в который отправляются все человеческие души после завершения земного цикла. И теперь я черный колдун – довольно-таки сильный, как говорит знакомая ведьма, но при этом ни черта не понимающий в своем колдовском ремесле. Я только учусь – методом проб и ошибок, и главная моя задача сейчас научиться как следует использовать свою Силу, но при этом еще и не выдать свои способности неподготовленному обывателю. Иначе потом такое начнется... даже и представить трудно – какая возникнет заварушка.

Но при желании представить все-таки можно: ко мне припрутся сюда все, начиная от страждущих, желающих снять проклятие, либо вылечиться от какой-нибудь страшной болезни (в чем я вряд ли смогу помочь, я ведь черный колдун, а не лекарь!), и заканчивая бандитами и спецслужбами, которые точно захотят взять меня под свое ласковое крыло.

Моя задача – жить в Кучкино с максимальным комфортом и удовольствием, и при этом не привлекать внимание тех, кого мне видеть хочется не больше, чем клопа в своей холостяцкой постели. Как этого добиться? Посмотрим. Колдун я, в конце-то концов, или просто на кладбище прогуляться вышел?! Придумаю что-нибудь. А пока что денег заработаю.

– Хозяин! Ведь так интересно! Тут одна девушка полюбила богатого парня. А он ее соблазнил, бросил, а она потом ему и мстила! Я просто оторваться не могу – как интересно!

Ну вот и что эта домашняя нечисть увидела хорошего в телевизоре? Я лично как включу «ящик», так меня от телепередач поблевать очень даже тянет! Ну невозможно же смотреть всю эту чушь! А домовому нравится. Он какой-то теленаркоман, а не домовый! Но службу свою несет исправно – дом соблюдает, мусор прибирает, посуду моет, воду приносит. Только вот за ним глаз да глаз нужен – я однажды узнал, как Охрим моет посуду, так меня тут же чуть и не вытошнило. Он ее вылизывал дочиста! Да, как собака!

Узнав – я ему запретил это делать, так что теперь Охрим моет посуду всякими там моющими средствами и чистит губкой. Только вот есть у меня подозрения, что перед этим он все равно ее вылизывает. Но и пусть – лишь бы потом как следует отмывал жидким мылом. Я так-то не особо брезгливый, все-таки бывший военный, офицер, а военному не пристало особо привередничать и копаться в еде. Солдату лишь бы чего-нибудь пожрать, а если в банку попал жучок или землей присыпало – так что же, из-за такой малости оставаться голодным?

– Вот что, Охрим... ты можешь выстирать белье так, чтобы его не порвать? И чтобы чисто было? Или тебя не просить этого сделать? Не сможешь?

– Ну почему же не смогу? – Охрим посмотрел на свои огромные ручки, подходящие больше взрослому нормальному мужику, чем маленькому «гному», и перевел взгляд на меня взгляд своих абсолютно черных, непроницаемых глаз (они были даже без белков!) – Я хорошо стираю, хозяин. И воду нагрее для стирки! Только развешивать могу лишь по комнате. Сам понимаешь – развесить на улице для меня довольно-таки проблемно. Да и тебе будет трудно объяснить случайным прохожим – почему это белье само собой запрыгивает на веревки и прикрепляется прищепками. Можно, конечно, оставить его в тазике и ты сам развесишь на улице, но по большому счету – какая разница? Высохнет и здесь, зато ты не будешь думать о том, что его вот-вот намочит дождь, и надо поскорее снять барахло с веревок. Стиральный порошок у тебя есть – я видел. Тазик и корыто найдем. Так что проблем никаких! Иди, колдуй спокойно, делай свои дела – только покажи мне, где лежит белье, приготовленное к стирке, и я все тебе сделаю. Только вот попрошу – можно, я буду стирать прямо здесь, перед телевизором? Не хочу пропускать сериалы!

– Охрим... ты снял у меня с плеч такой большой груз, что я... я бы тебе второй телевизор поставил, не то что разрешу стирать перед этим ящиком! И кстати – хочу купить стиральную машину, чтобы было быстрее и легче стирать.

– Стиральную машину, хозяин, купишь, если канализацию проведешь. А пока что обойдемся без машины. И кстати – машинка белье портит, а я – нет! Я его нежно стираю, аккуратно!

Я с сомнением посмотрел на узловатые, могучие кисти рук домового и утверждающе кивнул – мол, верю!

Впрочем, я ему и так верил почти во всем. Охрим оказался существом очень обстоятельным, и можно даже сказать – порядочным. Пока ты заботишься о доме, пока ты ничего ему не делаешь плохого, не пытаешься поджечь или разобрать по бревнышку – ты друг и брат, и Охрим для тебя сделает все, что может. Но стоит стать его врагом...

Бесы рассказывали, как он поступил с двумя грабителями, которые влезли к старому колдуну в его отсутствие и потом попытались сжечь дом. Дом они все равно бы сжечь не смогли, ибо он пропитан заклинанием, уберегающим от пожара, но домового все равно рассердили до полного обезумления. Одного супостата Охрим сжег в печи – и вроде бы как живьем, второго помял и спрятал в зиндане, где его и нашел вернувшийся вовремя колдун.

Впрочем, вору это возвращение совсем даже не обрадовало – ибо колдун на таких преступниках проверял свои новоизобретенные снадобья, действие которых не мог предсказать ни один в мире волшебник. Новое снадобье с новым заклинанием могло вырастить волосы на черепе, а могло сделать так, чтобы человек покрылся язвами величиной с кулак и умереть в муках, оставив после себя только запись в лабораторном журнале.

Могло устранить насморк, а могло вызвать из Нави демона, который вырвет политому снадобьем человеку все до одного его внутренности. Опасное это дело – испытывать новые заклинания!

Кстати – надо будет мне найти этот лабораторный журнал, и в ближайшее время как следует его изучить. Думаю, мне эти записи очень даже пригодятся. Пока что я пользуюсь только чистой выжимкой из этих записей – колдовской книгой, в которой записаны рецепты всех заклинаний, которые были известны старому колдуну и его предшественникам.

Решив проблему со стиркой, я очень-преочень обрадовался, и насвистывая марш авиаторов («Все выше, и выше, и выше! Стремим мы полет наших птиц!»), отправился на кухню, чтобы заняться своим слегка запоздавшим завтраком. Сегодня мне предстоял длинный и тяжелый день, и такая же длинная и тяжелая ночь – ночью я поеду выкапывать корень мандрагоры.

Ну а днем... днем у меня программа превеликая! Сперва – съездить в райцентр и закупиться там подарками для русалок. Ну и кроме подарков кое-что прикупить

в аптеке и хозмаге. Потом – съездить в Ольховку, к этим вредным людям, которые никак не могут найти согласия со своими соседями, и то бьют им совковой лопатой по вместилищу разума, или пишут жалобу в районный отдел милиции, требуя привлечь к ответственности распоясавшегося дебошира. Так-то чисто человечески мне пофиг, даже если они поубивают друг друга – раз такие идиоты – но ведь пилюлей потом навесят и мне! Мое начальство! Ты ведь не объяснишь начальству, что не мог сутками напролет стоять рядом с домами этих придурков и вырывать у них лопаты всякий раз, как те соберутся выйти на смертельный поединок?! У меня и кроме них дел хватает! Челубеи с Пересветами, мать их за ногу.

Но как только в результате соседских разборок образуются тяжкие телесные повреждения, или даже труп – иди сюда участковый, давай-ка вазелин! Как – нет? С собой надо всегда иметь, начальству что ли на него тратиться?! И становись поудобнее, а то начальству тебя карать неудобно! Заявление получал? Что значит, не успел? Надо было успевать! Работу не провел, и вот результат. Значит, получи выговор, а то и задержку очередного звания.

А оно мне надо? Вообще-то мне вот-вот капитанские звездочки на плечи упадут! Или – должны упасть. Срок давно уже вышел, пора! И мне никакие выговоры совсем даже не в жилу.

Кто-то может сказать – на кой черт колдуну капитанские погоны? Что они дадут? Немного денег прибавят, да и все! Но живет во мне армейская жилка, люблю я получать звания. Все-таки целый капитан – это не какой-то там жалкий старлей. Вбито это в меня с самых что ни на есть курсантских времен.

– Охрим, я китель повредил... заштопать не сумеешь?

– Сумею, хозяин! Так заштопаю – и места не найдешь, где зашито было! Не беспокойся, делай свои дела! Все сделаю! Охрим все может! Охрим молодец!

– Охрим хвастун! Охрим болтун! – вынырнули из пустоты два беса, выглядевшие сегодня как два завзятых аристократа – во фраках, белых рубашках и галстуках-бабочках – гоготнули, и снова растворились в пространстве. Охрим в сердцах сплюнул и помотав головой гулко забухтел:

– Дураки! Два дурака! Нажрались жизненной энергии, и радуются! Видал, как вырядились? Это они вчера сериал со мной смотрели – там в таких фраках аристократы танцевали с дамами. Вот и эти две обезьянки нарядились как в кино! Тьфу одно, в общем!

– Охрим – не выдержал я – Послушай, а с чего у тебя речь так изменилась? Ведь раньше ты говорил простонародно, старомодно... И вообще – откуда ты знаешь про фраки, про аристократию? Из телевизора, что ли?

– А откуда же еще, хозяин? – и Охрим довольно вздохнул – Из него, родимого! Он учит, он развлекает! Вот ведь какое славное изобретение! Я бы его изобретателя просто расцеловал! Ну какой же он молодец!

Ярко представив, как Охрим целует изобретателя телевизора, я покопался в вещах, глупо улыбаясь возникшей перед глазами картинке жаркого соития домового и телеизобретателя, нашел чистую форменную рубашку, штаны, оделся, и отправился к зеркалу на кухню, чтобы оценить мужественность и великолепие своего внешнего вида. Великолепия не наблюдалось, а мужественность таки-перла с моего красивого подбородка и впалых аристократических щек. Решив, что с трехдневной щетиной я хоть и еще больше похож на киноактера (забыл его имя), но начальству все-таки не понравлюсь, ибо оно предпочитают бесовские выбритые подбородки, а не любимую прщурями бороду – взялся за бритвенный станок и за считанные минуты уничтожил густую темную поросль, сразу став моложе лет на пять и красивее – просто-таки в разы. Гибель красоткам! Берегись! Идет герой-любовник... тьфу, да как же его фамилия-то? Актера этого? Танька как-то говорила! Я этих голливудских чертей никогда не мог запомнить!

Ладно... тьфу на него. В общем – похож я на киноактера, да и все тут! И сейчас поеду «в люди» – время-то уже к обеду, а я все тут болтаюсь. Дела надо делать.

Завел машину – оказалось, я ее вчера (или сегодня?) даже не запер. Впрочем, и немудрено – я ведь ночью едва дотащился, когда этого борова брал в его доме. Раненый ведь был, крови много потерял.

Кстати – сегодня я уже свеж, как огурчик с грядки! А ведь гад мне плечо располосовал до самой кости – даже вспоминать страшно и противно. Когда ты видишь белые кости, проглядывающие из раны, и понимаешь, что это твои

кости, когда из твоего плеча толчками фонтанирует кровь... это не доставляет совсем никакого удовольствия. С полной ответственностью заверяю.

В общем, ночью мне было не до машины. Бросил ее как есть – заглушил, выдернул ключи, оставил у забора и закончив дела с негодяем ушел спать. Деревня, тут все проще. По машинам не лазят. Да и дом этот мало что стоит возле леса, на отшибе от остальных домов, так еще и пользуется плохой репутацией – все-таки дом колдуна, это все знают! Люди сюда стараются не ходить.

Предыдущий участковый, который пожил в этом доме год – спился и едва не спятил. Местные говорили, что видели, как он однажды стоял на крыльце, палил из табельного «макарова» по воронам и кричал им вслед: «Шпионите, суки черные?!».

И где только патронов столько взял, чтобы доложить их в комплект при сдаче в оружейку. Ведь за каждый патрон нужно отчитываться! Куда девался, в кого стрелял?

В моем пистолете, к примеру, патроны уже потемнели от времени – им наверное лет больше, чем мне самому. И честно сказать, я даже не знаю – сработают ли они, если придется пострелять.

Впрочем – надеюсь, что такого не случится. У моих предшественников ведь не случилось? Потому и патроны такие старые, не меняются. В тире почему не заменили? Так в тире участковый хорошо если бывает хотя бы два раза в год, а то и того реже, а там свои патроны выдают, для стрельбы. Штатные, те, что потом хранятся в специальной коробочке с ячейками – сдаются в оружейку как драгоценность бесценная.

Посмотрел на уровень бензина в баке – хватит еще надолго. Пол-бака осталось. Вчера канистру залил, так что можно раз десять съездить до райцентра и вернуться обратно. Здесь всего-то двадцать километров. (кстати, надо будет заправиться)

Вот только каких двадцать километров! Грейдер, в полотно которого впечатаны острые каменюки, рвущие покрышки автомобилей – вот что такое эта дорога! Обычно все ездят или слева, или справа от грейдера, по пыльной, но гладкой

проселочной дороге вдоль рядами стоящих угрюмых разлапистых елей. Так и быстрее, и меньше шансов угробить покрышки.

Вот только в распутицу это не прокатывает: «пузотерки», так те просто-напросто буксуют на скользкой, будто намыленной черноземной поверхности дороги, а такие как мой уазик машины повышенной проходимости, просто разворачивает посреди дороги, ставя их поперек с риском уйти прямо в ствол близко стоящей елки. Так что в дождь все едут по чертову грейдеру, по каменюкам, снижая скорость как минимум до двадцати километров в час.

Но сейчас я несся довольно-таки бодро, оставляя за собой гигантский шлейф мелкой как пудра светло-серой пыли.

Уже когда подъезжал к райцентру и выезжал на асфальт, навстречу попался ТЛС-80, такой, какой я хотел бы иметь. Он проревел мне сигналом, который больше пристал бы фуре размером с ледокол «Ленин», и я помахал рукой, приветствуя фермера Самохина Игоря Владимировича, человека интересного и мне очень даже симпатичного. Я однажды побывал у него в гостях, и Самохин надавал мне с собой целую кучу копченых вкусностей, которые производят в его коптильном цеху. И кстати, он обещал мне помочь с приватизацией дома, в котором я сейчас живу. Возможно – завтра этим начну заниматься, если только наконец-то придет глава администрации, находящийся сейчас в отъезде. Со слов местных, он отправился в Тверь навестить то ли сына, то ли дочь и должен был вернуться через неделю. Неделя в общем-то уже прошла.

Нет, я зауважал Самохина не потому, что он мне «подогнал» здоровенную сумку вкусных копченостей. Это было бы просто смешно. Человек он какой-то... хмм... не знаю даже, как назвать... основательный, правильный – вот слово: правильный. И при этом нельзя его назвать святым – у него большие связи, он явно подкармливает не только местную администрацию, но и самых значимых людей в районном центре, наверное – и в Твери, и даже в Москве. Обеспеченный, можно даже сказать богатый человек, он охватил своими мягкими объятиями всю округу, и практически вся территория, которую я обслуживал как участковый уполномоченный, находилась под его полным контролем. Да и сам-то я фактически оказался здесь только потому, что Самохин пожелал, чтобы на его земле был человек, который наведет на ней порядок. Эдакий шериф, каковым он видит меня.

Кстати, все, с кем я разговаривал, отзывались о Самохине с большим уважением. Барин, да, но барин справедливый и нежадный.

В общем, пока что Самохин мне нравится, и я знаю, что всегда могу обратиться к нему за помощью, и он не откажет. А еще – знаю, что он не будет подличать, и мне не придется вступать с ним в конфронтацию. Ну так, как бывает в фильмах-триллерах, когда «влиятельный бизнесмен» держит всю округу, и с ним в борьбу вступает честный и бескомпромиссный шериф.

Я не такой уж и честный, и не такой уж бескомпромиссный – жизнь, это совсем не то, что показывают в голливудских фильмах, но и Самохин не киношный злодей. Надеюсь, у нас с ним сложатся хорошие отношения. Очень на это надеюсь. В противном случае мне здесь просто не жить.

В райцентре все, как всегда – пробок здесь нет, и вообще, народ особо никуда не торопится. Люди ходят по улицам спокойно, размеренно, и нет этого выражения горящих глаз – как в крупных городах, а особенно в Москве, где люди даже не могут спокойно стоять на эскалаторе, сбегая по нему на перрон, как будто бы эти сэкономленные секунды могут стоить «бегункам» свободы, а то и самой жизни. На мой взгляд – чистое пижонство, так человек показывает окружающим, что он невероятно деловой перец, и ты не стой у него на пути – затопчет!

Нет, у меня полностью отсутствует предубеждение к «москвичам», эдакое провинциальное неприятие тех, кто «всю страну продал» – просто я терпеть не могу показуху и снобизм. Все-таки, как мне кажется, в таких вот глухих углах люди более открыты, искренни, чем жители огромных мегаполисов.

Первым делом поехал в райотдел – раз уж попал в райцентр, потратил бензин, так надо зайти и получить Ц. У., они же «Ценные Указания». Получить почту, переговорить с начальником отделения участковых, ну и вообще... надо же иногда появляться в отделе? Иначе скоро и личность-то забудут, перестанут узнавать! Зарплату перестанут давать. Шутка-с!

– О! Васек! Дарова! – «пэпс», то есть сержант из патрульно-постовой службы. Колька Сидоров сунул мне руку, и задержав ее, даже слегка потряс.

Колька был хорошим парнем, не так давно он женился и каждому, кто желал его слушать, рассказывал, какая у него классная жена и как они с ней хорошо

живут. Я с ним время от времени общался – пока работал в центре. Колька с напарником нередко заходил к нам в пикет погреться, или приводил туда задержанных для оформления протокола. Вот мы с ним как-то так и сошлись на почве семейных отношений. Вернее – на почве отсутствия таковых у меня. Он почему-то решил, что я завзятый холостяк, и постоянно убеждал, что мне обязательно нужно жениться, иначе счастья как такового мне ни за что в этой жизни не видать. «Вот у меня жена – знаешь, какая она молодец?!».

Однажды так меня достал рассказом о своей замечательной жене (до интимных подробностей дошел, черт его подери!), что я не выдержал и сказал, что как только найду такую жену, как у него – тут же женюсь. Или он может мне уступить свою. Вдруг она ему надоела? А я от его жены точно не откажусь – от такой хорошей!

Колька не обиделся, даже наоборот – долго хохотал и потом заявил, что его Люсенька любит только своего мужа, то есть его, Кольку, и не променяет любимого мужа ни на кого в целом свете! И что у меня нет совсем никаких шансов – пусть даже я и похож на киноактера. Ценят-то мужика не за внешность, а за душу его чистую и руки шибко умелые.

Насчет умелых рук и языка я развивать тему не стал – Колька скорее всего даже не поймет этого юмора а-ля поручик Ржевский, а насчет чистой души сказал, что увы, женщины в наше время больше ценят не душу чистую, а бумажник толстый. Чем вызвал новый бурный поток Колькиного словоизвержения на тему, что не все женщины такие, а его Люсенька ангел во плоти и настоящая красавица!

Честно сказать – видел я эту Люсеньку, и ничего такого особенного в ней не нашел. Девчонка, как девчонка – личико правда миленькое, но фигура на мой взгляд полновата, а после родов вообще расплзется как тесто. Что такого нашел в ней Колька – я и не знаю. Но ведь нашел же!

И я ему даже немного завидовал – вот ведь она, настоящая любовь! Колька-то и сам не красавец – шкафообразный, огромный, лицо грубое, нос картошкой – настоящий селянин в черт знает каком поколении, интеллигенцией тут и не пахнет. Но похоже эти двое что-то увидели друг в друге и любят так, что не только я им завидую.

Посмеивались люди вначале, а потом даже стали приводить в пример эту парочку – вот мол, как бывает! Вот это любовь! Особенно жены ментов – мол, гляди, как люди-то, а тебя домой не дождешься, только бы набухаться с дружбанами, да завалиться с ними в баню!

Увидев меня Колька явно обрадовался, что было немного странно – мы с ним не виделись не так уж и долго, да и друзьями особо никогда и не были. Так, приятели по работе. Он сегодня стоял на входе, проверял документы и пропуска у направляющихся на второй этаж. На груди висит калаш – все, как положено часовому, стоящему на посту.

Я честно говоря не понимаю смысла вот этого строгого режима – зачем ставить постового у лестницы, если посетитель все равно идет мимо окна дежурной части? Что тогда делают дежурный и помощник дежурного? Строят важные лица?

И вообще – зачем так ограждать от граждан, пришедших за помощью в полицию? Зачем записывать их паспорта? Если уж подозрителен человек – например бородат, одет в камуфляж, на плече гранатомет – тогда, да – останови его, спроси разрешение на ношение гранатомета, а с какой стати останавливаешь старушку, которая пытается найти своего участкового в отделе? Или женщину, которая направилась в отдел поиска пропавших людей? Они что, похожи на террористов?

Впрочем, возможно я еще что-то не понимаю, не так уж давно работаю в полиции. Вояка, а не мент, чего уж там говорить. Многого не понимаю. Или, скорее, не принимаю. Все-таки это не военная служба, а можно сказать полугражданская организация, если можно ее так назвать.

– Васек, Васек! – Колька возбужденно зашептал, наклонившись к моему уху – Слухай чо, мне с тобой поговорить надо!

– Ну... говори... – напрягся я, чувствуя что услышу что-то такое, что мне не понравится.

– Не здесь! – горячо шепнул Колька, обжигая мне ухо дыханием. Пахло от него чесноком и чем-то мясным, вроде как котлетами, видать недавно с обеда вернулся – Ты щас же за почтой пойдешь? Я попрошу Семеныча, он меня

подменит, а мы с тобой и поговорим! На улице, покурим!

– Так я же не курю, ты же знаешь – сделал я вид, что не понял, лихорадочно размышляя, чего же это Кольке понадобилось. Неужели все-таки Машка Бровина наболтала? Ой-ей... вот он, результат неверно проводимой колдунской политики! Вот нахрена мне было на нее воздействовать, да еще и предсказывать ей рождение двойни!

– Да я знаю, Васек, что не куришь! Ну чо ты, внатури?! Я ж не о том! Иди, иди почту получай, щас я у Петра Семеныча спрошусь и потолкуем!

Я пошел по лестнице наверх, на второй этаж, а Колька побежал к Морозову Петру Семеновичу, в просторечии «Семенычу», бывшему старшему участковому, который перешел в дежурную часть на должность дежурного перед самой пенсией. Мужик Семеныч был дельный, работу знал, был строг, но и особо гайки не закручивал, его уважали и сослуживцы, и люди с «земли».

Поднялся на этаж, прошел к канцелярии, зашел к Бровиной. Она на меня не глянула – ну зашел, и зашел кто-то, делов-то! А когда подняла взгляд, глаза ее заметно расширились и щеки как-то сразу зарумянились.

– Привет, Каганов! – сказала она таким ласковым голосом, что честно сказать я просто охренел. Это когда она встречала какого-то там участкового без обычных своих колкостей и подначек? Ощущение такое, что сейчас Маша встретила старого друга, которого давно не видела и которого немного стесняется. И даже чуть-чуть любит!

Когда в прошлый раз я увидел, что у нее родилась двойня, и какая-то сила заставила меня взять, и рассказать ей об этом – я потом долго думал, что со мной случилось, с какой вообще стати я вдруг начал пророчествовать, и почему не смог сдержаться. Ни к какому выводу так и не пришел. Я не понимаю, не могу понять, как действует Сила, и каким образом, когда и как она срабатывает. Возможно в тот раз Сила взяла надо мной верх, тогда – я ее не мог контролировать.

Хмм...«тогда»? А сейчас? Сейчас я уверен, что контролирую? Не нужно себя обманывать, я ни черта ничего не контролирую. Я пользуюсь Силой так, как если бы держал в руках электрический кабель под напряжением с оголенным концом,

и время от времени прикладывал его к некому электромотору – то ли попаду в контакты и двигатель заработает, то ли не попаду... а может промахнусь, да и ткну в человека, стоящего рядом. Или себе в ногу. И уж точно не понимаю, как этот самый электроток приводит в движение механизм мотора.

– Вась, ты прости... я тут подружке рассказала, как ты меня это... хмм... вылечил! Я никому больше! Точно! И знаешь, я беременна! Тест сделала, точно, беременна! И задержка...

– За неделю-то? Да тут времени-то прошло нет ничего! Маш, ты чего?! Это просто случайно было! Я сам не знаю, что на меня нашло! Забудь, Маш!

– Я понимаю, понимаю! – Маша наклонилась ко мне и зашептала – Никому больше! Я только Люське Колькиной сказала! Они давно уже ребеночка пытаются заделать, а не получается! Всех врачей обошли! И результата никакого! И я не могла ей не сказать, прости. А с меня тебе подарок! Коньяк!

Маша пошарила где-то внизу и достала коробку, на которой была нарисована красивая бутылка и написано что-то латинскими буквами. Явный самопал откуда-нибудь из Казахстана – оттуда обычно тащат всякую дрянь в красивых бутылках, разведенный эссенцией галимый спирт.

– Нет, Маш! Оставь себе! – решительно отверг я соблазнительное предложение – Мужу отдашь! Я не пью. И это... поздравляю тебя! И Маш, я тебя попрошу... никому не надо говорить, ладно? Больше никому!

– Конечно, конечно! – заторопилась Маша – Никому! Я и Люське сказала – чтобы не болтала языком! Могила! Я – могила!

– Не говори так! – у меня в глазах потемнело, я наклонился к Маше и сквозь зубы процедил – Не езжайте на море! Не езжайте! В беду попадете! Сдайте билеты!

Маша отшатнулась от меня, а я вцепился руками в перегородку, отгораживающую ее место от остальной части комнаты, и очень постарался не упасть. У меня кружилась голова, а перед глазами стояла открытая могила, и рядом с ней – закрытый крышкой гроб. Рядом с гробом Маша в черном платке, бледная, как полотно. Она рыдает, вокруг стоят люди и я понимаю – в гробу лежит ее муж.

– Что ты... говоришь?! – Маша перепугалась, отшатнулась от меня, и смотрела так, как если бы из моей грудной клетки сейчас вдруг вылез «Чужой» – Вася, ты чего?!

– Ничего... забудь! – с трудом выдохнул я – давай я почту получу, мне идти надо. И это, Маш... не болтай, ладно? И не ездите в Адлер. Не надо!

Глава 2

– Каганов, результатов нет! Где протоколы на пьяных? Где мелкое хулиганство? Ты чем там вообще занимаешься, спишь? Забрался в глухомань, залег в берлогу, как медведь, и думаешь – что, результаты давать не нужно? И месячник противопожарной безопасности начинается, надо протоколы составлять на сжигающих мусор в своем дворе – где протоколы по противопожарной безопасности?

– Виктор Семеныч, да где я мелких хулиганов возьму? Был один, так его insult трахнул! На скорой увезли! А на кого мне тогда протокол составлять?

– А вот на него бы и составил! Пока в скорую тащили! Это Капустина, что ли?

– Откуда знаете?

– Это же деревня, тут все всех знают. Кстати – слышал, что вроде как поднялся он? Вот сходил бы к нему, и составил на него протокол! Нет, Каганов, никак ты не хочешь работать. Вот Николайчук – он у себя там знаешь, как развернулся? По два протокола в день таскает! И хулиганов, и пьяниц оформляет! А ты чего отстаешь? Молодой, энергичный, тебе расти надо! Звание получать! А ты чего?

– Я чего? Да я в деревне живу, каждый день хожу мимо этих жителей, в одном магазине с ними продукты покупаю, и я их буду терроризировать протоколами?! По два штуки в день? Я что, идиот? Не представляю, как потом жить там буду. Николайчуку может и пофиг, у него рожа наглая, широкая – в три дня не обгадишь, а у меня духу не хватит терроризировать своих же селян!

– Знаешь, если у тебя духу не хватает – надо было в другое место идти работать. В больницу, например – всех бы жалел, всех спасал! Или в МЧС – спишь себе, раз в месяц съездишь на аварию, да и делов-то. А ты в полицию пришел! А раз пришел – надо служить! Работать! Нет, Каганов, так у нас с тобой дело не пойдет. Показателей нет, и если так будет продолжаться...

– Мне что, рапорт на увольнение написать? – перебил я начальника отделения участковых. Меня что-то зацепило в его словах. Я так-то все понимаю, начальство обязано давать накачку, дрючить подчиненного, но сегодня не тот день, и у меня не то настроение, чтобы выслушивать всю эту ересь.

– Я прямо сейчас могу! – меня несло, и словесный поток вырывался из моего рта будто помимо воли – вы так и скажите, товарищ майор! Я вот сейчас сижу и слушаю вас, вместо того, чтобы идти, и разбираться с людьми, которые бьют друг друга лопатой по голове. Вместо того, чтобы исполнить поисковые поручения. Вместо того, чтобы... на самом деле – работать! Хотите меня уволить – пожалуйста! Ищите другого дурака, который согласится забраться в Кучкино и будет там составлять протоколы на всех своих соседей, а потом отстирывать китель от плевков, которые остались на его спине! Я НЕДЕЛЮ в Кучкино работаю, я даже познакомиться со всеми в своей-то деревне не смог, а у меня их двадцать! И вы еще наезжаете, требуете от меня каких-то протоколов? Дайте листок бумаги! Щас рапорт напишу, раз не устраиваю!

Молчание. Тягостное такое, густое, как смола. Мда... вот меня понесло-то! Я что, не привык к дурацким разносам? Не привык слушать глупые начальственные высказывания? Что вообще такое со мной? Чего я так взвился?

– Виктор Семенович... Каганов и правда всего неделю у себя на земле. Может, дадим ему время укрепиться, наладить связи? Кстати, я сегодня общался с Самохиным Игорем Владимировичем – он Кагановым доволен. Так и сказал: правильный парень, хорошего участкового прислали. С людьми знакомится, не дурак, контакты налаживает. Конечно, спрашивать с Каганова нужно, но надо и дать время для адаптации! Он там вообще один, и вы сами знаете, какое у нас положение с участковыми, тем более что...

Заместитель начальника отделения капитан Кукин многозначительно посмотрел на майора Миронова, и тот недовольно поджал губы. Не нравится, да? Знаешь ведь – некого больше послать в то же Кучкино! Работать в центре еще можно кого-нибудь найти, а чтобы в глухомань, без удобств, чтобы в какое-нибудь

поганое Кучкино... шалишь! Никаких вариантов!

Да участковый лучше уволится, чем туда поедет! Его просто-напросто сожрет благоверная, если он даже заикнется о переезде в эту дыру! Только такой как я одиночка, почти социопат, согласится ехать в эдакую глухомань. И пусть у меня нет показателей, зато все равно участок прикрыт, порядок там какой-никакой соблюдаю и можно сказать где-нибудь на совещании что работа ведется.

Ну и есть на кого вывалить ушаты дерьма. Свалить с себя ответственность. Только вот слишком уж нажимать не надо – и правда, вильну хвостом, да и свалю в народное хозяйство. И кто тогда будет служить? Эти тридцать штук зарплаты для провинции может и неплохое жалованье, но точно можно найти работу и «пожирнее», где-нибудь в Твери, или в той же Москве.

Только вот выслушивать прописные истины от своего зама, да еще и при «дрючимом» подчиненном – это уж совсем даже ни к чему. Истина очевидна, но не все надо говорить вслух – аксиома, однако.

– Ты, Каганов, вообще-то не забывайся! – строго сказал Миронов, и тут же сбавил накал беседы – я понимаю, что ты там всего лишь неделю, и еще не сумел войти в курс дела. Но надо стараться! Надо использовать все возможности, чтобы...

Еще минут десять этой чуши, но уровень глупости в претензиях снизился на порядок. Иногда все-таки надо показывать зубы, иначе совсем уж сядут на шею. Штат участковых «упакован» лишь наполовину, не хотят люди работать участковыми, а тем более – где-то в чертовой глухомани. И я это знаю, и начальство знает. Но говорить об этом как бы не принято.

И по большому счету Миронова понимаю – с него требуют, он требует, и все это идет по нисходящей. Пока на самом верху МВД сидят идиоты, поддерживающие прогнившую, тупую систему – «палочная» практика будет продолжаться. Ты хоть тысячу раз поменяй название службы, но если ничего не меняется внутри нее, и само главное, высшее начальство остается прежним – результата не будет никакого.

Я думал над тем, почему люди не идут работать участковыми, и вот к какому выводу пришел: во-первых, после так называемой реформы полиции требования к тем, кто хочет служить стали гораздо более жесткими. Пройти через фильтры

Системы стало сложнее, чем к примеру в 80-е годы, или в 90-е. Казалось бы, что это хорошо – меньше будет в полиции случайных людей, или тех, кого и на пушечный выстрел нельзя подпускать к работе полицейского. А с другой стороны – обеспечение тех же участковых, их зарплата, все это настолько не соответствует лежащему на них грузу ответственности, тому объему работы, которую они должны исполнять – что просто не понимаешь, а какой идиот посчитал, что на такую зарплату могут соблазниться дельные, умные люди? Ну ладно я – одиночка, семьи у меня нет, а если были бы жена, дети? Как прожить на такую зарплату, да еще и целыми днями пропадая на участке? Единственный способ – подрабатывать на стороне тем, или иным способом, вплоть даже до махрового криминала. Система сама толкает своих служащих на преступление! Это ли не совершеннейшая глупость?

Но говорить ничего такого начальству я не стал. Попробуй сейчас, скажи – оба начальника вытаращились бы на меня, как если б увидели морского змея! Типа – пенек заговорил! Полено тупорылое! Мое дело – молчать, и принимать «справедливое» наказание.

Но все когда-то кончается, кончилась и эта «замечательная» беседа. Из кабинета начальника я вышел потный, злой, как черт, и как ни странно – взбодрившийся. После странного приступа возле Маши Бровиной, у меня аж дрожь в коленях появилась и слабость, а вот теперь – совсем уже другая дрожь вдруг в теле возникла. От злости. Сейчас мне хотелось кому-нибудь морду набить, а не улечься в тихом углу и поспать пару-тройку часиков.

Да, как говорят англичане: «В каждом свинстве есть свой кусочек бекона». А еще, кто там сказал? Вроде как Ницше? «Все, что нас не убивает – делает сильнее».

Ну а сесть себе на шею я не позволю. Ребята думали, что раз я такой тихий, «интеллигентный», то можно мной помыкать как хочешь? Нет, парни... может раньше это так и было, но теперь, когда я получил новые возможности и новую перспективу – все не так просто, как вам может показаться. Но лучше вам об этом пока не знать.

– Наконец-то! – вполголоса, жарко забормотал Колька Сидоров, выскакивая из-за угла здания РОВД – Я уж думал ты там до вечера будешь сидеть! Васек, слушай, помощь твоя нужна! Тут Машка Бровина рассказала, что ты вроде как экстрасенс – поколдовал на нее, и она... это... в общем – забеременела! И вроде

как даже ей предсказал – кто у нее родится. Ты не мог бы помочь нам с Люськой? Ну никак не можем ребеночка сделать. Стараемся, стараемся, и никак... Люська уже на меня смотрит, как на... в общем – похоже, что начала думать, будто это во мне дело-то. А мы ведь проверялись – все в порядке! И у меня, и у нее. А ребеночек не получается, да и все тут. Ты не мог бы нам помочь? Ребеночка-то сделать?

– Я мог бы вам помочь, но мне кажется ты будешь против. Да и мне как-то выступать в роли быка-осеменителя не в жилу – зло бросил я, шагнув к своему уазику – Старайтесь, и все получится.

– Ты вообще о чем? – Колькины брови полезли вверх – А! Шутишь! (он через силу улыбнулся) Нет, я не прошу тебя спать с моей женой. И даже донором спермы не прошу становиться. Ты не мог бы это... ну... руками там поводить, пошептать чего-нибудь... чтобы Люсенька зачала! Вась, а?! Пожалуйста, Вась! Я это... если чо – заплачу, сколько надо! Только ты это...

– Коль, ну чего ты несешь?! – не выдержал, рявкнул я – ну какое, к черту, «руками поводить»?! Чего пошептать?! Устав караульной службы над твоей женой прочитать, что ли?! Да вы совсем еб... сь с Машкой вместе! Чего она там напридумала?! Ну ляпнул я что-то, а оно возьми, да и совпади! Сам не рад – мало ли что в разговоре сболтнешь?! Пожалел я ее, решил настроение поднять, а тут вдруг возьми, да и совпади! Коль ты же взрослый человек, и все веришь в эти сказочки?! Единственный способ, каким я могу выполнить твою просьбу – это трахнуть твою жену! И то никаких гарантий! Отстаньте вы от меня! Я участковый, а не экстрасенс! За чудесами – это к бабкам! Кстати, могу тебе подсказать одну – бабу Нюру из Кучкино не знаешь? Поезжайте к ней, она примет. Снадобье даст, подскажет чего-нибудь. А меня с этой чушью не трогайте, мне и так в жизни всякой ерунды хватает. Только что у начальства говна наелся – большой ложкой, аж икается с пережору! Все, давай, Коль! Извини, что не оправдал надежд. И не верь в сказочки.

Я уселся в уазик, открыл окна – стало уже по-летнему жарко, в салоне будто печку включили – завел машину и не прощаясь с угрюмым Колькой сорвался с места так, что сумел прокрутить под машиной сразу два колеса. Опомнился только метров через двести – глубоко вздохнул, заставил себя ослабить ногу на педали газа и дальше поехал уже накатом на третьей передаче.

Ехать мне было недалеко – до торгового центра «Алмаз», который, кстати, тоже принадлежал Самохину. Раньше, еще в советское время, это был дом быта, как две капли воды похожий на все дома быта, тысячами раскиданные по всей стране и построенные по одному проекту. В 90-е здание приватизировал так называемый коллектив в лице директора этой конторы, ну а потом уже изрядно обветшалое и потрепанное здание выкупил фермер Самохин. Взял кредит, сделал ремонт, переоборудовал под сдачу торговых площадей мелким торговцам с промышленными товарами и теперь нормально с него «стрижет купоны». А на первом этаже еще и продуктовый рынок устроил – я сам туда время от времени захожу за мясом или яйцами, тут цены немного пониже, чем в других местах райцентра.

На втором этаже – многочисленные загородки с промтоварами, что-то вроде местного «Черкизона». Дешевое барахло – вьетнамское, китайское и турецкое – как и везде. Ну еще и белорусский трикотаж, который доставили сюда через провал во времени прямо из шестидесятых годов – только в те годы люди могли носить это страшное депрессивное убожество, другого-то ничего не было! Дефицит! Но зачем СЕЙЧАС производить ЭТО – для меня большая загадка.

Впрочем, раз продают – значит, кто-то покупает. Дешево ведь, да и срам кое-как прикроет. В деревне – сойдет. Молодежь не носит, плюется? Так и не для молодежи все это делалось.

Припарковался на центральной площади, возле древней, как пирамида Хуфу-Хефрена несчастной «двойки»-жигули. Это машину давно следовало пристрелить, чтобы больше несчастная не мучилась – вся ее структура держится только на краске, ржавчине и шпаклевке. От металла почти ничего не осталось, но она как старая шахтная лошадь, ослепшая от вечног мрака подземелья, все пылит и пылит по дорогам, гремя всеми сочлениями и будто жалуясь на свою долгую, несчастную жизнь. Такие машины обычно используют мелкие торговцы определенных национальностей – в этот фургончик можно набить полтонны ящиков с овощами, и машина как ни странно довезет их до торговой точки. А если развалится по дороге – так и не жалко это ржавое корыто. Купили ее за десятку, найдется и еще такое чудо где-нибудь в одном из дворов умирающих деревень.

Когда я вижу такие машины, невольно думаю о том, как быстротечно и безжалостно время. Ведь когда-то эта тачка была верхом совершенства – новейшая машина, мечта всех автомобилистов! И вот... несчастный

механический инвалид, при виде которого хочется перекреститься и объехать его на как можно большем расстоянии – не дай бог колесо у этого уродца отвалится и автохлам въедет в бочину твоей новенькой «тойоты».

Мда... так и не выходит у меня из головы мысль о новой машине! Вот что деньги-то делают... пусть даже еще и не полученные. Ну что же... я всего лишь человек, и мне ничто человеческое не чуждо.

Забравшись по лестнице на второй этаж, огляделся по сторонам – не больно-то много народа желают прибарахлиться. Ходят несколько грустных, бедно одетых личностей, и очередей, состоящих из желающих срочно расстаться со своими деньгами в наличии точно не имеется. Провинциальный народ не очень-то спешит тратить свои так трудно заработанные деньги.

Интересно, как же эти торговцы выживают – с таким-то «активным» спросом на их жалкие товары? Как вообще можно жить на такие низкие доходы?

И мои тридцать тысяч зарплаты вдруг показались просто-таки невероятным капиталом.

Ага... вон и бижутерия, расчески и все такое прочее. Теперь надо объяснить продавщице, что именно мне нужно.

Вышел я из торгового центра став беднее на три с лишним тысячи рублей. Честно сказать – меня немного душила жаба жадности. Когда это я еще получу деньги за свою антинаучную деятельность, а вот наличных теперь в кармане стало гораздо меньше. Придется снимать деньги с банковской карты – не везде, совсем даже не везде к оплате принимают эту самую карту. А в Кучкино – так точно не принимают, там только наличные.

Зато теперь у меня в пакете лежит куча расчесок и гребней всякого вида – я старался покупать гребни как можно более кичевые, изукрашенные в стиле дикого китайского творчества. А еще – большая куча дешевенькой бижутерии, которая должна была изображать драгоценности.

Не знаю, смогла ли китайская бижутерия их изобразить, я никогда не держал в руках ничего золотого, за исключением мамино золотого колечка (дома храню, вместе со свидетельством о смерти), но блестели эти псевдодрагоценности не

хуже настоящего золота, а может быть и лучше. Помню, помню пословицу про: «не все золото, что блестит», но какая разница, по большому-то счету? Я вообще не уверен, что русалкам эта бижутерия по вкусу, так что вообще можно было не покупать блестящие цацки. Но... я сам не знаю, почему их купил – показалось, что это будет правильно. Уж очень мне хотелось сделать для этих существ что-то хорошее, хоть как-то исправить зло, которое принесли им жители деревни.

Несчастные девчонки, которые ничего в этом мире не успели увидеть – за что их так? Ну да... «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» – это все слова, высокий штиль, которым изъясняются высоколобые интеллигенты, сидящие в своих тихих кабинетах. А когда ты видишь, как невинную девушку прикалывают грязным навозными вилами... душа даже не кровью и слезами обливается, она жаждет мести! И я понимаю существ, основой для рождения которых явились эти самые убиенные девчонки.

Понимаю, но не одобряю. Не должно быть так, чтобы за грехи родителей отвечали невинные дети. Каждый человек отвечает только за себя, только за свои поступки, и это на самом деле правильно.

После вьетнамского рынка отправился в хозтовары. Ну – тут уже все просто, никаких тебе размышлений на тему: надо ли мне покупать, или нет. Короткая штыковая лопата, резиновые перчатки, пластиковый контейнер с закручивающейся крышкой – все, что нужно для достижения моей цели. Нет, не все – еще кое-что. Зашел в аптеку и купил одноразовых шприцов на три кубика объемом каждый – два десятка. Пусть будут.

Загрузившись, поехал восвояси – в городе хорошо, а дома лучше! Впрочем – можно ли назвать городом этот ПГТ? Тут и пятиэтажек-то раз, два и обчелся. Все больше «частный жилой фонд», из которого едва ли не половина – дома, построенные как минимум лет пятьдесят назад, а то и больше. Видел даже такие как у меня дома – двухэтажные, древние, как дерьмо мамонта.

Теперь мой путь лежит в Ольховку. Кстати, я в ней все равно еще не был, ее так и так следовало посетить – раздать визитки с номером телефона, себя показать, чтобы народ знал – у них есть участковый. Так положено по правилам моей работы, да и по совести – чтобы люди знали, к кому могут обратиться за помощью.

Мало чем могу помочь? Ну почему же... по крайней мере, смогу дать совет, куда, к кому обратиться. А может и моей власти хватит, чтобы утихомирить каких-нибудь отморожков. Не колдовской власти, нет – обычной власти участкового уполномоченного. Что ни говори, но я в этих деревнях на самом деле форпост закона и порядка. Шериф, ага!

Дорога до Ольховки заняла времени меньше, чем дорога до Кучкино. Ольховка, деревня по размеру чуть поменьше, чем Кучкино, была поближе к райцентру, и туда вел пусть и разбитый, но все-таки асфальт, только местами выбитый до щебенистой своей «подкладки». Поэтому уже через двадцать минут я въезжал в деревню мимо заброшенной деревянной церквушки, будто вышедшей из самого ужасного ужастика всех времен и народов под названием «Вий». Вот в такой церкви некогда запирали Хому Брута, чтобы он отчитывал злобную покойную ведьму. И я помню, как удивлялся в детстве, что нечистая сила лезла в эту самую церковь, хотя должна была ее бояться, как огня – церковь же! Святое место!

Уже став взрослым, я прочитал в книгах о том, что в церквях, которые заброшены людьми, в церквях, которые не почитаются и превращены в сараи и загоны для скота – обязательно заводится нечистая сила. Кстати, это укладывается в очень простую и незамысловатую теорию: свято место пусто не бывает. Если из церкви, или из человека ушло все светлое, ушел святой дух – его место обязательно займет бес.

И эта теория касается не только, и не столько церквей и отдельных людей: в государственном обществе обязательно должна иметься какая-нибудь идея – религиозная, либо социальная. До революции – это было христианство, или ислам, или иудаизм – неважно какая религия, но правильная. Гуманистичная.

Если это общество атеистов, такое, как большевистский строй – все равно, будет теория похожая на христианскую – только назовется она по-другому.

Большевики прекрасно понимали важность заполнения «вакуума» в головах людей, и заполнили его идеей светлого будущего, идеей коммунизма. А что есть идея коммунизма, как не христианская идея построения общества всеобщей любви и равенства?

Я читал «Кодекс строителя коммунизма», так в нем самым наглым образом были передраны христианские заповеди: «не убий», «не укради», и – все остальные заповеди, модернизированные под нужды правящей власти.

Честно сказать, до последних событий я как-то не особо задумывался на тему существования или отсутствия бога, или богов. Мне это было совершенно не интересно. Живу себе, да живу – зачем думать о том, или о ком, чего ты никогда не сможешь понять, и даже узнать о его существовании? Но вот когда меня лично все это коснулось, когда для меня стало жизненно важным знать свое место в этом мире – невольно задумаешься обо всем, что связано с существованием богов.

Но это все потом. Сейчас – улица Коммунистическая, дом три, Силькина Мария Федоровна.

Хмм... везет же мне на Марий! Сплошные Маши вокруг! Похоже, что это самое распространенное здесь женское имя. Ну что же, посмотрим, что тут за Мария Федоровна, тезка бывшей императрицы Российской. Только вот вряд ли в ней будет что-то императорское, это наверняка!

Да, ничего императорского в ней не было – если только рост? Как у Александра Третьего. Баба почти с меня ростом, толстая – эдакая сумоистка, с руками толщиной едва ли не с мою ляжку. На пухлом лице с вывернутыми наружу пухлыми губами было просто-таки написано: «Вы все мрази, я вас в конце-то концов всех и разоблачу!»

И первый, с кого она начала разоблачение, это был я – несчастный участковый, вынужденный выслушивать всяческую тупую херь, делая при этом умное, проникновенно-внимательное лицо.

Кстати – это искусство, внимательно слушать людей. Некоторым из тех, кто приходит в пикет по большому счету только и надо, чтобы их кто-то выслушал и дал свой совет. Ты получаешься что-то вроде психолога в ментовской форме.

И ты во время беседы можешь в своем блокноте хоть сиськи рисовать и другие первичные половые признаки обоих полов, но рожу должен уметь состроить обязательно умную и внимательную. Иначе потом точно обвинят в недостаточном внимании к нуждам несчастных заявителей. Закидают жалобами, задушат бумагами, крови выпьют большущей трубочкой из самого центра сердца.

– Наконец-то! – противным, визгливым голосом хабалки ответила бабища на мое приветствие – Пока вас дожدهшься, убьют! Расплодили вас на свою голову! Сели на шею, и ножки свесили! Не хотите работать! Я на вас жалобу в прокуратуру буду писать, бездельники! Содержим вас, трутней, а вы и работать не хотите! Когда это я жалобу написала – и вот, только сейчас, явились, и не запылились! За то время сто раз можно было меня убить!

Скрепя сердце я сделал спокойно-внимательное лицо, и осведомился у «сумоистки», в чем же конкретно суть ее конфликта с соседом. И выяснил, что соседский кот повадился лазить к соседке во двор, пугать ее кур, душить цыплят, и чтобы не лишиться последнего своего источника пропитания, женщина была вынуждена побить кота прутиком. А сосед, эта сволочь, пришел, и набросился на нее с лопатой, ударил оной лопатой по голове и едва не убил. Проклятый злодей. «Эта интеллигентская сволочь, которую вскормили на своей груди! Хулиган с высшим образованием! Тоже мне, профессор! Пьянь чертова! И только попробуйте не принять меру к хулигану – запишу! Я с вас погоны-то снимаю!» – ну и так далее, и все в таком же духе.

Ко всему прочему, как оказалось – сосед оттяпал у бабищи еще и пол-огорода, лишив ее средств к существованию в виде клубней картошки. И она вынуждена влачить жалкое существование, испытывая постоянное чувство голода и и моральные страдания из-за того, что сосед смеется ей в лицо, запершись за своим высоким забором.

В общем – обычный набор страданий, которые нередко получают от судьбы владельцы домов и дачных строений. Иногда такие вот дразги тянутся годами и десятилетиями, переходя по наследству к детям и внукам, и в самых что ни на есть горячих случаях заканчиваясь даже и смертоубийством с последующим активным уничтожением улик с помощью очищающего огня. Поджигают соседей, если проще сказать.

История гнилая, с душком, это я чуял просто-таки на-раз, здесь и колдовских способностей не нужно, чтобы понять. Баба противная и скользкая, как кусок дерьма, потому в этом деле нужно хорошенько мне разобраться.

Сообщив женщине, что предварительно должен выслушать обе стороны, и выслушав от нее еще несколько предупреждений о неминуемой каре, которая меня постигнет, если я приму сторону ее коварного и подлого соседа, я отправился на встречу с этим самым исчадьем ада, мерзким интеллигентшишкой,

городским ублюдком, которого черти принесли в благословенную богами славную деревню Ольховка.

Чистенький, ухоженный домик, выкрашенные белым ставни, наличники, крыльцо. Приятный домик, «пряничный». Вот так представляют себе дома где-нибудь в русской глубинке вздыхающие по «русскому духу» горожане. Действительность обычно оказывается совсем другой, но этот домик именно таков – розовая мечта горожанина. И явно это заслуга его хозяев. Или хозяина? Я из всего сказанного сумоисткой так и не понял – один живет этот злобный агрессор, или у него есть семья.

Агрессор оказался невысоким сухощавым мужчиной лет шестидесяти плюс года три-четыре-пять, одетый скромно, неброско, и как-то «по-городскому» – отглаженные брюки, клетчатая рубашка, тонкая смесовая жилетка. Под высоким лбом серые, немного на выкате большие глаза над узкими, для чтения очками. «Академическая» борода без усов – тоже ухоженная, практически полностью седая.

На руках – кот. Большой такой, черный с белым – лапы как в белых носках, белая грудь. Чистый, ухоженный, смотрит – щурит желтые глаза.

– Здравствуйте! – нейтрально поприветствовал я хозяина дома – Вы Семкин Петр Федорович?

– Сознаюсь, Семкин – это я – кивнул мужчина, и предложил – Проходите, пожалуйста. Можете не разуваться. Вот тут присаживайтесь. Я кажется знаю причину вашего посещения. Даже ждал этого.

Я присел к столу, застеленному как на праздник белой, идеально чистой скатертью, осмотрелся. Первое, что можно сказать – чисто, абсолютно чисто! Мне даже стало немного стыдно за свое замусоренное холостяцкое обиталище. У меня такой бардак, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Одежда на лавке лежит, посуда горой на полке, башмаки у двери валяются сикось-накось, а тут... обувь строго по линейке, красивые расписные тарелки на стене – ровными рядами, возле них – рушники.

На стене в гостиной картины – пейзажи, и на мой взгляд, вполне недурные, что-то вроде в стиле Шишкина. Ели, луг, болотце, весенние разливы.

В углу – мольберт с накрытым полотном холстом. И запах – масляная краска для картин, ее запах ни с чем не спутаешь.

Была у меня подружка, когда я учился в военном училище. Она хотела стать художницей, рисовала, и этот запах у меня теперь ассоциируется с упругой женской попкой и колышущимися грудями – мы занимались сексом в ее комнате, пока родителей подруги не было дома. А потом они нас застукали, и кончилась наша любовь, увяли помидоры – подружка рыдала, прикрываясь скомканной простыней, а я одевался, зорко контролируя фланги в целях предотвращения возможной атаки противника. Подружкины папа с мамой выглядели решительными и повывавшими виды людьми, и от них можно было ожидать чего угодно – вплоть до вилки в заднем проходе «насильника».

Но обошлось. Слава богу, насильником не признали, как впрочем и педофилом – девчонке было семнадцать лет, так что со мной могло случиться все, что угодно.

Впрочем – я у нее был не первым, и скорее всего родители Светочки уже привыкли искоренять кавалеров, тихой сапой забравшихся в ее уже не девичью постель.

Я пригладил свои порядком отросшие волосы (постричься бы надо!), аккуратно, на край стола положил свою рабочую папку и спросил, глядя в спокойные, и какие-то грустные глаза мужчины:

– Ну что у вас там случилось, Петр Федорович? Заявление поступило на вас. От вашей соседки. Обвиняет вас в нападении и в желании искоренить ее с белу свету. Били лопатой несчастную, сразу сознавайтесь! Было такое дело?

– Было, каюсь... – вздохнул мужчина, поглаживая тарачившего глаза кота. Кот громко тархтел мурлыкательным аппаратом, и мне вдруг стало немного смешно – кому война, а кому мать родна! Толстый, чистый, сытый – чего бы так не жить? И мышей ловить не надо! А тут – крутишься, крутишься... и хоть кто-нибудь бы твои триста тысяч долларов отдал!

– Давайте я вам с самого начала все расскажу, ладно? – предложил мужчина, баюкая кота, будто ребенка. Кот прикрыл глаза и засопел – Вы не возражаете, если я во время рассказа Митю буду держать?

– Нет, не возражаю – улыбнулся я – У меня в детстве такой же кот был. Копия вашего! Я его просто обожал. Погиб, задавили. Я три дня рыдал...

– Тогда вы меня должны понять – вздохнул мужчина – Из-за него все и случилось. Хотя... нет, все началось раньше. Сам дурак, виноват! Но – с начала. Итак, я сам преподаватель, жил в Москве. Профессор, ботаник. Ну еще немножко и художник – люблю, понимаете ли, русский лес, русскую природу. Это меня и сгубило. Решил, что хватит мне тупых студентов, хватит науки – займусь тем, чем мечтал заниматься всю свою сознательную жизнь – ходить по лесу и рисовать картины. В общем – уволился я, благо что пенсия уже есть. Квартира у меня в Москве хорошая, трехкомнатная, сталинка. Я ее выгодно сдал одной крупной корпорации, теперь в ней живут приличные люди, корпорация за квартиру мне и оплачивает. Спасибо знакомым – это они помогли устроить такое дело. А сам я по объявлению купил этот дом. Пенсии, и само главное аренды мне хватает, чтобы содержать себя и Митю, и жить в общем-то вполне безбедно, а по здешним меркам даже и богато. Мне много не надо, так что я могу купить себе практически все, что я захочу. В разумных пределах, конечно. Повторюсь – запросы у меня совсем скромные. И вот, выяснилось – я сделал просто-таки фатальную ошибку – покупая этот дом, не прошелся по деревне и не спросил людей – что у меня за соседи, и можно ли с ними ужиться.

Мужчина сделал паузу, задумался – я его не прерывал. Когда человек начинает что-то рассказывать, лучше его не останавливать и не торопить – так все равно получится гораздо быстрее. В противном случае он просто собьется и все придется начинать с начала. Или же о чем-то забудет рассказать. Вот когда выговорится – тогда можно задать и наводящие вопросы.

– Вначале-то все было нормально. Здоровались с соседкой, никаких скандалов не было. Это потом я узнал, что предыдущие хозяева дома похоже что в панике сбежали отсюда, надоело им с этой самой Силькиной воевать. Она у них всю кровь выпила! Выживала всеми доступными ей методами. Писала в прокуратуру, в полицию, бросала через забор всякую пакость – начиная сдохлых крыс, и заканчивая тухлыми яйцами и дерьмом. Муж от Силькиной тоже давно сбежал, даже дочь, и та удрала – сказала, что жить с такой матерью больше не хочет – местные рассказали. Дочь у отца жила, а потом замуж вышла и уехала. Это мне опять же мне деревенские рассказали. Ну и вот... я прибрался в доме, сделал ремонт, как следует дом обставил, начал участок обустраивать, и вдруг обнаружил, что Силькина самым что ни на есть возмутительным образом оттяпала половину моего участка – картофель там понимаете ли сажает. Забор

поставила, и все вроде бы как так и положено. Я обратился к ней с претензией, предложил убрать забор и освободить участок. Она на меня начала кричать, материться, едва в драку не бросилась – я слушать больше не стал, ушел, а уходя сказал: дождусь, когда она выкопает картофель, и потом уберу ее незаконный забор. Поставлю свой. Так и сделал. Привез из района, из БТИ землемера, тот установил границы – и почему это я сразу так не сделал? – я нанял людей, строителей, и мне за два дня убрали один забор и поставили другой. Документы, план дома, заключение экспертизы я вам предоставлю – если это вам нужно. Забор высокий, непроницаемый – не заглянешь, если только дырку не просверлишь. Тут еще вот какое дело – боялся я, как бы Митя к ней на участок не перелез. От нее всего можно ожидать. Понимаете... я совсем один. Жена умерла, когда ей было пятьдесят лет – несколько дней до дня рождения не дожила. Рак. Детей у нас не было – она не могла иметь детей. Взять ребенка из детского дома мы не решились... хотели, но не решились. Был у нас на глазах печальный пример, знакомые взяли... кончилось все плохо. Но сейчас речь не о том. Я пространно рассказываю, но хочу, чтобы вы поняли, очень хочу. Вы мне кажетесь порядочным человеком, и кошек любите... наверное. Так вот: иду как-то в райцентре у рынка, слышу – пищит кто-то, да так жалобно! Так горько! Заглядываю в мусорный контейнер – думаю, вдруг ребенок? Как дитя плакало... у меня аж сердце сжалось. А это котенок. Маленький такой, мокрый, дрожит весь. Выкинул наверное кто-то... на смерть. Я и не выдержал – достал, вытер платком, сунул за пазуху, да и поехал домой. Он пригрелся, уснул за пазухой, замурлыкал, а мне так хорошо стало! Я теперь не один!

Голос мужчины дрогнул. Он закусил губу и замолчал, но рука его продолжала медленно, осторожно гладить холку кота.

– Выкормил из пипетки – он есть не мог. Молоком отпаивал. Потом у него глаза гноились, с животиком не то было – вроде как энтерит. Я его в район возил в ветлечебницу. Вылечил. Такой котейка вырос – это что-то! Хулиган! Такой прыгучий, такой шустрый, да все с затеями! Привычка странная у него – он как медведь лапу сосет, когда ему очень хорошо. Запрыгнет ко мне на грудь, и давай сосать лапу – ну чисто медвежонок! Тархтит, и лапу сосет! Смешной такой... человечек. Я все дырки заделал в заборе, чтобы он не выбрался, чтобы не перелез к этой мегере. Но разве его удержишь? Он ведь своенравный, как ребенок – возраст еще такой, подростковый. Год коту – как лет тринадцать человеческому дитя. Ну и вот...

Мужчина встал, прошел на середину комнаты, опустил кота на пол. Тот сразу открыл глаза, как-то странно мявкнул, будто спрашивая: «Зачем?» Хозяин же дома отошел назад, сел на стул и поманил:

– Митенька, иди сюда! Иди ко мне, мой хороший!

У меня сжалось сердце: кот пополз на передних лапах. Задние лапы бессильно волочились, как две тряпочки. Полз он довольно-таки быстро, уже видать привык ползать, так что через пару секунд оказался у ног хозяина. Тот снова взял его на руки и грустно, долгим взглядом посмотрел на меня:

– Вот так. Ударила она его – то ли палкой, то ли лопатой. Позвоночник перебила. Потом перебросила в мой двор. Он приполз к двери – я вышел, поднял его...

Голос мужчины пресекся, он замолчал, видимо справляясь с волнением. Затем продолжил:

– Я его по ветлечебницам повез. Снимки делали, сказали – безнадежно. Порваны нервы, не срастутся. Можно конечно операцию попробовать сделать, она очень дорогая и опасная, после нее вообще может не выжить. Да и не берется никто... смотрят, как на идиота – простому дворовому коту такую операцию?! Предлагали усыпить, чтобы не мучился. Только я не могу. Я сам такой... как кот с перебитой спиной. И меня тогда усыпить? Одного боюсь – умру, что с ним будет? Был бы здоров, так хоть бы мышами на улице мог прокормиться. Или кто-нибудь бы взял домой – он красивый, ухоженный, домашний. А вот такого, инвалида – кто его возьмет? Будет умирать в муках, голодный. Пока я жив – ему хорошо. Его любят, он сыт, в тепле. На горшок только трудно ходить, но я помогаю. Купаю в время от времени, он всегда чистенький. Держусь вот на этом свете... ради него. Сердце у меня плоховатое, того и гляди в ящик сыграю. Ради него только и держусь. И это история меня сильно подкосила. Говорят – эта негодяйка и предыдущего соседа до инфаркта довела, а меня-то... и доводить не надо. Еще один инфаркт, и конец. Ну да, скажете – лучше бы я жил в городе, в квартире, чтобы и скорая, и все такое... И будете правы. Но... вы слышали, что я вам рассказал.

Мужчина замолчал, так и не подобравшись к главному, и я решил ему помочь:

- Подождите... заявлению от роду всего неделя. То есть с того времени, как она ударила кота прошло всего неделя? А когда же вы успели по ветклиникам поездить?

- Нет. Я видимо неточно рассказал, простите... разволновался. Год прошел. Я ведь что думал - Митя на дорогу вышел и под машину попал. У него еще и ребра были сломаны, и голова распухла. Она ведь его о стену добивала. Как Митя выжил - не знаю. Случился очередной скандал - она начала забор ломать, обвинила меня в том, что я поставил забор незаконно, и вообще - он дает день на ее грядки, и что она его снесет. Била забор кувалдой, покорежила целую секцию. Ну я и пошел с ней разговаривать, пока она совсем в раж не вошла и все не уничтожила. Тут она мне и выложила, видимо хотела сделать побольнее. Сказала, что меня придушит, как моего поганого кота, и жаль, что его не добила - надо было ему башку отрезать. В нее как бес вселился. В руке кувалда, орет, слюнями брызгает, машет своим боевым молотом. Ну - тут у меня как помутнение случилось, после того, как про кота сказала. Лопата стояла у забора - снеговая, деревянная, я схватил ее, и... в общем - врезал ей по голове. Лопате конец, пополам, а эта... вроде как в себя пришла, приступ бешенства прошел. Пообещала меня посадить, повернулась и ушла в дом. Потом мне сказали, она поехала в больницу зафиксировала побои, а затем и заявление написала в полицию. Ну, вот и результат - вы теперь у меня дома. Вот вся история. Я не знаю, что делать - и жить здесь уже невозможно, и деваться мне совершенно некуда. Переехать назад, в квартиру? Там люди живут, контракт. Продать дом, купить другой? Можно, конечно... но только попробуй-ка его продать. Это же только я такой дурак, интеллигент чертов - решил, что все люди тут только и думают, как друг другу помочь в беде. А оказалось... вот оно так. Нарвался. Боюсь - посадят меня, так Мите конец придет. Можно сказать - куда ни кинь, всюду клин. Как думаете, посадят меня?

- Нет, не посадят - ответил я, чувствуя, как холодеет мое сердце от тоски и ненависти - максимум штраф. Судить могут, конечно - но скорее всего это будет мелкое хулиганство. Максимум - «Личные неприязненные отношения». Легкие телесные - ее ведь оглоблей не перешибешь. Но даже если бы она в больницу попала, вылезла бы на телесные средней тяжести - такие соседские разборки редко заканчиваются реальными посадками, так что не волнуйтесь. Но протокол мне на вас придется составить... наверное. Если только не сумею уговорить эту бабу написать отказное. Понимаете?

– Понимаю... – мужчина вдруг посмотрел на меня и робко, покусав предварительно нижнюю губу, тихо спросил – я ведь что-то буду должен, так? Если что – я готов... сколько смогу, в разумных пределах. У меня есть кое-какие деньги, и скоро перевод должен прийти, так что...

– Нет – усмехнулся я – Денег не надо. Но плату я с вас возьму! (мужчина настороженно посмотрел на меня) Вы дадите мне погладить вашего Митю. Сто лет уже котом на руках не держал! Ужасно хочется его погладить, можно?

– Можно – улыбнулся Петр Федорович – Только я не знаю, пойдет ли к вам? Он так-то своенравный, чужих не любит. Не смотрите, что инвалид – когти-то и зубы у него как у здорового! Не боитесь?

– Как-нибудь переживу, если поцарапает – улыбнулся я – давайте-ка этого плюшевого медведя сюда! Щас я ему животик-то поглажу!

Хозяин дома протянул мне кота, я встал, и взял Митю на руки. Он был тяжелым, килограмм шесть, не меньше. Лапищи огромные, а глаза так вытаращились, как будто он не знал, что я сейчас буду делать – напугался. На самом деле кот был на грани – то ли попытаться защитить свою жизнь в бою, то ли...

«Тихо, тихо, свои! Я люблю котом! Особенно таких славных... Успокойся. Я не желаю тебе зла, наоборот! Все будет хорошо, все хорошо...»

Я чуть-чуть, самую капельку добавил Силы, кот сразу успокоился, глаза его прищурились, он замурлыкал, скрестил лапы у меня на сгибе локтя и было видно, что ему очень хорошо. Почти как у хозяина на груди. А потом он сунул лапу в рот и зачмокал – высшее счастье! Покой!

А хозяин удивленно помотал головой и тихо пробормотал:

– Кто бы мог подумать! Видать вы на самом деле очень хороший человек – Митя плохим людей сразу чует, и к себе не подпускает. Научился отличать плохим от хороших, только... только уже вот поздно.

«А может еще и не поздно?» – подумал я, сосредоточился, и... вдруг мне стало все ясно. Я увидел! Я увидел больной позвонок, окруженный красно-черным

облаком, я увидел слабую красноту вокруг поврежденных ребер, я почувствовал боль животного – постоянную, непреходящую, ноющую и стреляющую боль в спине. И подумал, что кот наверное стонет во сне от боли.

Я почувствовал, как он любит хозяина – Митя считает его чем-то вроде мамы-кошки, большой и родной, любимой.

Узнал, как он относится ко мне – он меня не опасается. Я теперь в его Стае – что-то вроде брата, на боку которого можно спокойно заснуть.

Еще узнал, что он хочет на горшок «по-маленькому», но терпит, потому что ему хочется вот так лежать и чувствовать мою руку, «облизывающую» его загривок.

И тогда я стал действовать. Не знаю как это работало, не знаю что именно я делал (как и обычно, чего уж там!), но только я захотел, чтобы чернота из позвоночника кота ушла. Чтобы не было этой багровой, отвратительной красноты, чтобы аура кота светилась ровным жемчужным светом – как и положено нормальной, порядочной ауре.

И я «поддал» «горючего»! Сила жახнула по больному месту кота так, что он вдруг вострепнулся, широко открыл глаза и мяукнул – громко, протяжно, широко раскрыв пасть с великолепными, белыми и острыми зубищами!

А потом легко вздохнул и задышал ровно, свободно, как и положено всякому здоровому коту.

– Ну, все, беги к хозяину! – предложил я, спуская кота с колен – хватит по чужим людям шастать!

Кот полежал на полу, потом приподнялся и неуверенно ковыляя, проваливаясь на ослабленных за время болезни задних ногах... пошел... пошел...ПОШЕЛ!

Потеря о ногу Петра Феодоровича, громко мяукнул и отправился в угол, туда, где стоял лоток, насыпанный кошачьим наполнителем. Для него, существа не понимающего сути времени – все это было в порядке вещей. Вот сейчас он не мог ходить, а потом взял, да и пошел, побежал, попрыгал. А что в этом такого-то?

Я ухмыльнулся, глядя в наглый кошачий зад с задранным вверх толстым хвостом, повернулся к хозяину дома, хотел что-то сказать по поводу счастливого воскрешения кота, и... замер, как вкопанный, не зная что делать и как мне сейчас быть. Петр Федорыч сидел бледный, как полотно, а из глаз его катились крупные слезы. Потом он закрыл лицо руками и зарыдал, приговаривая:

- Простите... простите... не могу... не могу удержаться...Митя! Митенька! Он пошел! Вы видели, он пошел! Он сам идет!

Я сглотнул комок, перекрывший горло, прокашлялся, и дождавшись, когда Петр Федорович вытрет мокрое лицо, предположил:

- Наверное время пришло. Нервы ведь тоже срастаются, только этот процесс очень долгий. Кошки живучи, вот и ваш питомец в конце концов все-таки выздоровел - вопреки всем прогнозам. Радоваться надо, чего вы...

- Простите - помотал головой мужчина - Стар стал, чувствителен. Кроме него у меня никого нет. Простите!

И схватившись за грудь - упал со стула на пол, грохнувшись о половицы как мешок с картошкой!

Да бляха-муха! Да что же это такое! Честно сказать - я просто охренел! Мне только покойника сейчас еще не хватало! Вот это я полечил котика! Вот это я помог человеку! Твою же мать! Правильно говорят - благими намерениями вымощена дорога в ад!

Бросаюсь к лежащему на полу Петру Федоровичу. Грудь его просто клубится краснотой и чернотой - похоже на бурление лавы в жерле вулкана. Сердце, точно!

Ох черт! И не только сердце - левая часть головы краснеет и чернеет - инсульт! У него ко всему прочему инсульт! Да мать-перемать! И я, недоучка-колдун должен спасти инсультника?! Да бляха-муха!

Хватаюсь за голову больного - показалось, что так будет правильно, нужен контакт - и лечить в первую очередь инсульт. Иначе - хана мужику.

Начинаю высасывать из больного мозга черноту. Понимаю – инсульт ишемический, то есть кровь не потекла, тромб перекрыл сосуд рядом с ишемической бляшкой. Растворяю тромб, удаляю бляшку. Только пусть никто не спрашивает – как я это делаю, откуда знаю про бляшки и про тромбы – НЕ-ЗНАЮ! Не знаю, откуда я это знаю! Назовите это предчувствием, назовите предзнанием, колдовством назовите, черт вас побери, хреновы ученые, которые до сих пор не могут победить ни рак, ни даже гребаный туберкулез! Главное – я убираю, я ликвидирую ту пакость, что организм накопил за шестьдесят с лишним лет жизни! Убираю, растворяю всю эту дрянь, которая накопилась в сосудах, в крови, в печени!

Сердце работает спокойнее, оно уже не такое вялое, дряблое, каким было раньше. И я ЗНАЮ, что теперь инфаркта не будет. Не грозит инфаркт этому человеку! ЗНАЮ!

Трогаю рукой голову Петра Федоровича, ощущая нормальное, здоровое тепло здоровой ауры. Его лицо стало розовым и вроде как даже помолодело. Смешно – но в его бороде вдруг проглянули черные пряди!

Сейчас он точно не выглядит на свои годы. Взрослый человек, которому еще жить, да жить. Я точно прибавил ему не менее двадцати лет жизни, быть может и гораздо больше. Как Джон Коффи убитому мышонку в «Зеленой миле». Уже и люди, которые тогда были рядом с ним умерли, а мышонок все жил, да жил...

– Очнулись? – спрашиваю я озабоченно, наклонившись над открывшим глаза мужчиной – Что же вы так? В обморок падаете! Надо быть поосторожнее. Давайте, я помогу вам подняться. Кстати, вам бы трусцой побегать, сердце потренировать. Я слышал – помогает от инфаркта!

– Он правда ходит? Митя?! Мне не приснилось?! Не привиделось? – испуганно спросил Петр Федорович, и тут шестикилограммовый снаряд приземлился ему прямо на колени, громко тарахтя и выставив хвост запятой. Ответ мой был уже в общем-то и не нужен...

Я попрощался с хозяином дома за руку, рука была твердой и теплой. И вообще он сейчас выглядел лучше, чем до моего прихода – розовый, глаза блестят, плечи расправились – человек здоров, весел и любим. Как иногда мало надо человеку, чтобы быть счастливым! Всего лишь шесть килограммов шерсти и

плоти, тарахтящей как трактор. И вот – ты уже не одинок.

Вдруг задумался: а может и мне завести кота? Я тоже ведь один... И ничуть не удивился, когда услышал голос из пустоты:

– Хозяин, а мы? Мы ведь лучше кота!

Я чуть не хихикнул – так это напомнило мне об одном мультяшном персонаже. «Малыш, я же лучше щенка!» Бесы почувствовали мое веселье и тоже развеселились, а Минька довольно меня спросил:

– Хозяин, а может мы пошалим с этой курвой? Я с большим удовольствием выверну ей кишки наизнанку!

– Нет. Не трогайте ее. Я сам ей займусь. Есть у меня на нее планы... хочу проверить кое-что! – и почувствовал предвкушение в моих двух вторых «Я».

– Что, уже напел вам этот убогонький? – ядовито спросила меня бабища – Вроде как обижают его, да? Я же говорила, что так и будет! Ничего... я найду на вас управу! Кровавыми слезами умоетесь!

– Ага... – я достал телефон, деловито посмотрел на экран – Записал, как вы угрожали сотруднику правоохранительных органов. Значит, вы только что сказали, что у меня из глаз потечет кровь? Собираетесь совершить террористический акт? Ну что же, вами займусь вплотную. Фээсбэ! А пока что я возьму у вас объяснение.

– Какой еще акт? – опешила женщина – Никакого акта! Я сказала, что жалобу на вас напишу! Причем тут кровь?!

– А вот это? Умоетесь кровавыми слезами? Это как?

– Ну... я не то имела в виду! – было видно, что женщина на самом деле испугалась. Глаза ее забегали, она побледнела и пальцы ее нервно комкали край фартука, будто не находя себе места – Ну... извините! Я не хотела!

– Пойдемте в дом! – жестко сказал я, пресекая ненужные разговоры – Обсудим ваше поведение. Заодно и парочку протоколов составим. Шагайте, шагайте!

– Какие протоколы?! За что? – еще больше испугалась бабища, но я промолчал и только лишь подтолкнул ее в локоть по направлению к входной двери:

– И паспорт приготовьте! И документы на дом, на участок! Быстрее! Мне недосуг тут с вами лясы точить!

За следующий час я составил три протокола (за разжигание огня в огороде, за самоуправство и за нецензурную брань в общественном месте) и отобрал одно объяснение. А когда закончил – противник был совершенно деморализован. Бабища сидела молча, и только теребила в руках застиранное полотенце, которым она видимо вытирала свою посуду.

Кстати сказать, в доме оказалось достаточно чисто – опять же, гораздо чище, чем в моем. Что привело меня в еще большее раздражение – чего это я грязью-то зарос? А еще военный! Привык уже на гражданке к хаосу, а когда-то ведь кровать застилал так, что мою укладку можно было в музее показывать! А о складку на брюках руку можно было обрезать! А теперь чего? Хожу как лох какой-то – ботинки не чищенные, на коленях пузыри, рубашка не первой свежести – точно, лох педальный, а не старший лейтенант доблестных Вооруженных сил!

Впрочем – я и есть... хмм... ну... не лох, конечно, но уже и не военный. А хожу я так потому, что на ногах целый день – либо в машине сижу, передвигаясь по рабочим делам. Работаю, в общем. От того и пузыри на коленях, и ботинки сбиты. Невозможно постоянно выглядеть так, будто собрался на вручение Ордена мужества!

Ну да, ну да... надо же себе оправдание найти... своей лени и распушенности.

Кстати, как оказалось, бабище-то всего сорок лет. Выглядит она за пятьдесят, или даже старше, но на самом деле... Интересно, какой она была в юности? С чего она вдруг стала такой мерзкой сукой? Откуда это?

Я потянулся к ауре собеседницы «колдовским» взглядом, и... едва не вздрогнул. В голове женщины клубилось неприятное, вонючее, черно-красное облако, и я

как-то сразу понял, осознал – опухоль! У нее – опухоль! У нее мозг болен! Вот откуда и агрессия, и такая нечеловеческая жестокость, и нетерпимость к людям!

Когда у нее стала расти эта штука? Ведь она и замуж успела выйти, а значит – кто-то ведь ее полюбил! Таковую, какая она сейчас есть – никто не полюбит. Скорее – пришибет.

– А вы кем работаете? – спросил я, и женщина тут же разразилась целой тирадой в адрес известного мне персонажа:

– Работала! Продавщицей работала! Да этот чертов Сенька Маркин с гребаным барином Самохиным меня уволили! Говорят – клиентов отпугиваю! А я ничего не отпугиваю – нечего было меня цеплять! Вызнали дурь – то им так не это, то им то не то! Я еще напишу в прокуратуру на Самохина – откуда у него такие сокровища? Как он нажил? Всю округу под себя взял, старый козлина! И дочка у него блядь еще та! Ишь, шастает в город! А что там делает? Небось шлюхой работает, не иначе! Революции на них нет, сволочей! Я бы их вилами, тварей!

– У вас речь довольно-таки грамотная, что-то заканчивали? – продолжал препарировать я этот живой труп.

– Я техникум заканчивала, пищевой промышленности. Техник-технолог! – довольно кивнула вдруг слегка подобревшая баба, и тут же глаза ее подозрительно блеснули – А с какой стати расспрашиваете? Какое это отношение имеет к делу? Чего вы все узнаете, с какой целью?! Кто вас подослал? Это сосед тебя нанял?! Сколько он тебе заплатил?! Я выведу тебя на чистую воду! Выведу!

– Спать! – приказал я, и женщина мгновенно обмякла у себя на стуле, только чудом не свалившись на пол.

Хорошо быть колдуном! Ей-ей я бы где-нибудь в Думе мог таких дел наворотить! Или став президентом... Вот так усыпил бы какого-нибудь лгуна из власти, и...

Убили бы, скорее всего, но что-то бы все равно успел сделать. Что именно? Да кто его знает – что именно. Что-нибудь хорошее! Ага... дурацкие мысли...

На уничтожение опухоли мне понадобилось около часа – проклятая тварь сопротивлялась как живая, впилась в мозг пациентки, пропустила корни через ее мозг и не желала заканчивать свою такую приятную жизнь. Мне вдруг показалось, я даже почувствовал в опухоли какие-то отголоски настоящей жизни, как если бы это был не кусок плоти человека, каким-то образом вдруг начавший жить своей жизнью, бурно размножаясь и давя на окружающие его ткани, а на самом деле колония паразитов – разумных и совершенно не желающих умирать.

И кстати – я почувствовал отголоски проклятья – сильного, умелого, смертельного! Кто-то проклял эту женщину, да не сейчас, не год-два-три назад, а давно, очень давно! Двадцать лет, или даже больше!

В голове будто щелкнуло, и я увидел: эта же самая «бабища», но только... в подвенечном платье. Высокая, крепкая, стройная... и красивая. Правда, красивая – эдакой здоровой, сильной красотой! Чем-то похожа на актрису, которая играла воительницу из сериала... как там ее звали, эту чертушку с летающим боевым кольцом... а! вспомнил! Зена! «Зена королева воинов», вроде так называется это чудо. Так вот – девчонка та напоминала Зену. Только была покрасивее. Эти самые вывороченные толстые губы ТОГДА смотрелись очень органично и привлекательно. Они ее украшали и делали лицо похожим на лицо Анджелины Джоли. Может выглядели немного даже вызывающе, вульгарно... но точно очень сексуально. И тут точно речь не шла ни о каких уколах для увеличения губ, ни о каких операциях. Просто красивая, сильная девка с пухлыми соблазнительными губами. Таких мужчины любят, и может быть даже больше, чем худых, жилистых фитоняшек.

А еще я почувствовал взгляд, который шел из толпы зрителей, и взгляд этот был ненавидящим, черным, как могильная тьма.

Порча, точно! На нее навели порчу, и в голове начала расти опухоль. Не раковая, обычная опухоль – хотели убить, но что-то пошло не так, или умения напускать порчу не хватило, или сопротивляемость этой девушки была выше обычного для простого человека уровня, но факт – смерть все-таки не наступила. Хотя... иногда духовная смерть гораздо хуже и страшнее смерти физической. Если человек теряет себя, превращается в наказание для всех окружающих, для своих близких – что может быть хуже этого? Когда родной человек превращается в отвратительного, мерзкого монстра. Ведь от нее ушел муж, красивый, статный парень. И я точно знаю – вся эта история началась именно из-

за него. Кто-то его приревновал. И этот кто-то... вернее – ЭТА кто-то – сейчас замужем за бывшим мужем Екатерины. Рупь за сто поставлю – именно так дело и обстоит.

Мда... коварная месть! Кстати... а может и не хотели убивать? Может месть как раз в том и заключалась – сделать так, чтобы мужик от конкурентки сбежал?

Все может быть, вариантов много. теперь уже и не узнаешь – какой именно вариант на самом деле верен. Опухоль сделала из этой женщины настоящего монстра, мерзкую тварь, которую хочется просто раздавить каблуком. Опухоль деформировала ее личность, уничтожила всю ее жизнь, и сделать что-то я могу только приложив большие, очень большие усилия. И без всякой гарантии что у меня получится – слишком далеко уже зашло это грязное дело.

«Ты больше никогда не злишься. Ты спокойна, весела, доброжелательна. Тебя ничего не раздражает. Ты готова помогать людям, ты жалеешь их, желаешь им добра. Ты любишь своего соседа Петра Федоровича (*образ Семкина*), тебе нравятся его картины, нравится то, что он говорит, делает, нравится его кот, и ты хочешь посвятить свою жизнь тому, чтобы сделать жизнь Семкина как можно счастливее. И ты худеешь. Ты худеешь до тех пор, пока не станешь выглядеть так же, как в семнадцать лет! И будет мое слово твердым, как сталь, и никто не сможет разрушить это заклятие – ни за что и никогда!»

Ффуух! Я вытер пот со лба и подумал о том, что с такой работой я вряд ли постоянно буду оставаться чистым и опрятным. Попробуй-ка, не вспотей, когда пропускаешь через себя такой поток энергии!

Меня трясло от слабости. То я у Машки Бровиной «выплеснулся», то сейчас дал жару – эдак совсем можно исхудать! У меня на животе уже совсем нет жира, ну ни капли! Сегодня, когда умывался, заметил – я высох, как палка. И это неспроста!

Мда... не зря ведьма говорила про перерасход энергии, когда я колдую вне дома. Дома, если верить ее словам, находится так называемое Место Силы, откуда можно черпать магическую энергию без каких-либо ограничений. Здесь, вдали от дома, я больше пользуюсь внутренними запасами Силы, и эти запасы напрямую связаны с моей собственной энергетикой, энергетикой моего тела – об этом я уже давно догадался. Потому мне обязательно надо иметь при себе

специальное снадобье, которое усиливает восприимчивость к Силе, позволяет перекачивать ее в себя гораздо быстрее, даже если Место Силы находится от меня очень далеко. А еще – амулеты, в которую я закачал эту самую Силу, что-то вроде магических аккумуляторов, позволяющих пользоваться Силой без ущерба для моих внутренних запасов энергии.

– Проснись! – выпустил я импульс Силы, и облегченно вздохнул, переводя дух. Устал! Скорее бы домой... «подзарядиться». Сегодня по деревне с визитками не пойду – хватит для меня приключений. Эдак можно и здоровья лишиться!

Женщина медленно открыла глаза, поморгала, повертела головой из стороны в сторону, будто пытаюсь понять, где находится. Потрогала рукой лоб.

– Не болит. Совсем не болит!

Поморщилась, приняла позу поудобнее и только тогда посмотрела на меня:

– Милиционер...

– Полицейский. Участковый – поправил я.

– Полицейский... – послушно и как-то очень кротко повторила она. Потом ее глаза широко раскрылись, и она неверяще помотала головой – Это я?! И это была я?! О господи! Что со мной было?!

– Вы упали в обморок, потом очнулись – информировал я, внимательно наблюдая за реакцией пациентки. В душе все-таки гнездились эдакое неверие в собственные силы. Не может быть, чтобы вот так... поколдовал, и... человек стал совсем другим! Полностью изменился! Так ведь не бывает!

– Я не о том! – женщина снова помотала головой – Я все помнила... все помнила! Господи, во что я превратилась! Господи, господи! Ааа... я жить не хочу! Я не хочу жить! Аааа...

Мария зажала голову руками и зарыдала – горько, безнадежно, как вдова, прожившая с любимым мужем много, много лет и готовая теперь умереть на его гробу. Плач этот был таким тяжким, таким вытягивающим душу, что... я едва не

закрыл уши руками.

– Все еще можно исправить! – бодро заключил я, собственно не особо в это веря. На мой взгляд, ей теперь нужно из этой деревни валить куда подальше и никогда больше сюда не возвращаться. У людей память крепкая, и не верят они в души прекрасные порывы. Их жизненный опыт показывает – если некий человек доказал своими делами, что он полный и законченный негодяй, и теперь вдруг ни с того, ни с сего начинает проявлять человечность и доброту – значит, хочет сделать какую-то особенную, невероятно мерзкую гадость. Ну – типа боевая маскировка своих гнусных намерений. Потому от него нужно держаться как можно дальше.

Да и вообще... слишком доброму, хорошему человеку, не способному на насилие и готовому всегда помочь другому человеку лучше держаться подальше от нашего человеческого общества. Не поймут, и радостно воспользуются – во все, так сказать, отверстия.

Вдруг вспомнился старый скандальный фильм Кубрика «Заводной апельсин». Там главного героя, негодяя и подлеца, «излечили» от тяги к насилию с помощью специальной новейшей методики. И выпустили в мир. Вот тогда он и получил по-полной от тех, кого когда-то обидел, оскорбил, ударил, изнасиловал. И мало ему точно не показалось. Страшный, очень неприятный фильм.

В общем, я бы на ее месте вспомнив, что творил за эти годы – собрал бы вещички и свалил отсюда куда подальше. А как она поступит – это уже ее дело. Много чего натворила, и значит, заслуживает наказания.

А с другой стороны – ведь виновата-то не совсем она. Или совсем не она? Мы ведь не судим сумасшедшего за его поступки? И даже преступления. Ведь он не мог осознавать, что делает.

– Что делать, что делать...? – женщина сидела, уставившись в пространство, медленно, тяжело раскачивалась всем своим могучим телом... туда-сюда, туда-сюда...

И мне вдруг стало совершенно ясно: труп. Она – труп! Завтра, или послезавтра, или на следующей неделе – все равно когда – но меня вызовут в этот дом и заставят вытаскивать ее из петли. И я буду держать в руках это большое,

смердящее смертью тело и думать о том, что же я в конце концов тут натворил.
А потому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/dom-rodnoy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)